



СМЕНА

7

1953

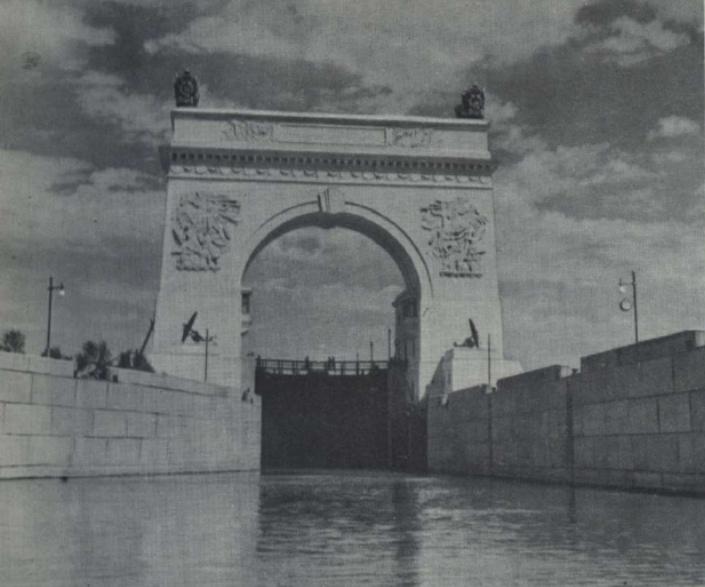
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



СМЕНА

1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина.
Входные ворота 13-го шлюза.
Фото И. Хадзипа.



Сергей СЕВЕРЦЕВ



Выходной день в Ново-Чимлынском парке.

НАШ ПОДАРОК

Там, где полдень полон пчёл звенящих,
Где шумят питомники вдоль реки,
Девушка укладывает в ящики
Самых лучших яблонь черенки.

Каждый сорт —
Чудесный, закалённый,
Зной и стужу вытерпеть готов...
Это молодому Волго-Дону
Лучший дар мичуринских садов!

Неподённый влагою и светом,
Край неузнаваемый цветёт...
Там,
За экскаваторщиком следом
В степь свою выходит садовод.

Так пускай среди приволжской ширы,
На слиянье двух могучих рек
С думами
о счастье
и о мире
Яблони сажает человек!



В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках.
Скульптура В. Пичука и Р. Таурита.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 8. 1953 год.

Год
издания
30-й

Двадцать второго апреля исполняется 83-й годовщина со дня рождения величайшего мыслителя и пролетарского революционера, вождя, учителя и друга трудящихся всего мира — Владимира Ильича Ленина.

Имя Ленина бесконечно честным людям, труженикам всего земного шара. Всю свою жизнь Ленин посвятил великому делу борьбы за освобождение трудящихся от капиталистического гнета, за победу коммунизма. Вместе со своим гениальным учеником и верным соратником по революционной борьбе И. В. Сталиным, В. И. Ленин в тяжёлых условиях царизма выступил за желанную партию российского рабочего класса, ставшую образцом для коммунистических и рабочих партий всех стран. Под руководством Ленина и Сталина партия русских коммунистов подняла, вдохновила и организовала рабочих и крестьян нашей Родины на штурм царского самодержавия, власти помещиков и капиталистов и иные властные массы над ущербом народа. В сентябре 1917 года над нашей страной гордо звучило красное знамя власти труда, знамя освобождённого народа.

Провозглашена и подготовлена под воздействием Ленина и Сталина Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой, социалистической эпохе в жизни народов нашей страны. Она вместе с тем явилась первым поворотом во всемирной истории человечества от старого, капиталистического мира, к новому, социалистическому миру. Речь октябрьской революции потрясла до основания всю мировую капиталистическую систему, на деле подтвердила великое марксистско-ленинское учение о неизбежности крушения капитализма и торжества социализма. Победа рабочих и крестьян России над эксплуататорами была встречена народами массами всех стран с радостью и ликование. Она укрепила в сердцах рабочих и крестьян всего мира надежду на освобождение.

Трудно было подготовить и осуществить свержение власти эксплуататоров. Но ещё труднее было построить новое, социалистическое общество, так как ни один народ в прошлом не имел опыта строительства такого общества. Коммунистическая партия имела в этом отношении Ленина и Сталина, управлявших трудящимися. В её руках было мощнейшее оружие — соевая власть, а также иная власть — неподвластное всемирное марксистско-ленинское учение о законах развития общества, о революционном движении, о строительстве социализма и коммунизма. Оправясь на марксистско-ленинскую науку, Коммунистическая партия под руководством Ленина и Сталина смело и уверенно повела наш народ по неизведанным путям исторического движения, по пути построения социализма и коммунизма.

В 1924 году наш народ и советский народ постигло огромное горе: умер Владимир Ильин Ленин. Внутренние и внешние враги, воспользовавшись смертью Ленина, ударили свою борьбу против молодого Советского государства. Они вываливали чёрные планы восстановления капитализма в СССР. Но все их подобные замыслы были разоблачены и разбиты. Во главе партии и народа встал верный и неизменный союзник Ленина, генеральный продюктор его бессмертного творения — великий Сталин. Вокруг И. В. Сталина, под руководством его верного помощника — генерального руководителя Красной армии — начальника штаба нашей партии, все труженики Советской армии, под руководством Сталина Коммунистическая партия разгромила троцкистско-бухариновцев именников деда социализма и вывела наш народ на широкую дорогу социалистического строительства. Под её мурлык гужевостом советские люди преобразили страну, создали могучую тяжёлую индустрию, переднее колесоное сельское хозяйство, осуществили культурную революцию, построили социализм, добились всемирно-исторической победы в переустройстве общества, победы, которая будет жить в веках как величайший подвиг советского народа, нашей Коммунистической партии, как бессмертное дело сталинского гения.

Коммунистическая партия во главе со своим великим вождём, гениальным полководцем и учителем Сталином привела наш народ к исторической победе над врагами в годы Голубой Отечественной войны. Она организовала новый подъём экономической жизни Советского государства и материального благосостояния трудящихся.

Под руководством великого Сталина в октябре 1952 года прошёл

XIX съезд Коммунистической партии, наметивший задачи развития Союза Советского государства по пути к коммунизму. В основу своих решений съезд положил гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», являющийся программой строительства коммунизма.

5 марта этого года умер наш отец, вождь и воспитатель, дорогой и любимый всем народом Иосиф Виссарионович Сталин. Смерть И. В. Сталина глубокую болью отозвалась в сердцах советских людей, членов партии, комсомольцев, юношей и девушек нашей страны. Но жажда и силая стальныя Коммунистическая партия, воспитанная и закалённая Лениним и Сталиным в тяжёлых испытаниях, в борьбе за счастье народа. Неугасимый огнь горит в сердцах советских людей, нашей молодёжи светлая идея Ленина и Сталина. Советская молодёжь вместе со всеми трудящимися продолжает борьбу за свободу, за мир, за демократию и социализм. Мы живём в век всемирного триумфа деда Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, в век его немыслимой полной победы во всех странах мира.

НАШЕ

БОЕВОЕ ОРУЖИЕ

войр в победу коммунизма, с неукротимым стремлением дойти до победного конца бессмертного знамя Ленина — Сталина, претворить в жизнь заветы великого Сталина о построении коммунизма.

В своих речах на граупном митинге в день похорон И. В. Сталина товарищи Г. М. Малышев, Л. П. Берия и М. М. Молотов выражали неистребимую волю Коммунистической партии и советского народа неуклонно идти вперёд по пути к коммунизму, призывают всех советских людей повысить активность в борьбе за наше правое дело, прозялять политическую бдительность, твёрдость и непримиримость в борьбе с внутренними и внешними врагами, множить свои усилия в осуществлении грандиозных задач, стоящих перед советским народом, увеличивать свой вклад в общее дело строительства коммунизма и выполнения плана социалистической Родины.

В эти же дни представители Советской партии и Советского правительства боролись всеми способами за то, чтобы Советское правительство было в состоянии удержать ворвавшийся союз рабочего класса и колхозного крестьянства, братской дружбы между народами нашей страны, всемерно препятствовать оборонной мощи социалистического государства, что законом для нашего правительства является обязанность, несляблю забываться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей, о дальнейшем расширении нашей социалистической Родины. Советское правительство во всей своей деятельности будет строго проводить выработанную партией политику во внешних и внутренних делах.

Ярким свидетельством неослабной заботы Коммунистической партии и Советского правительства о благе народа является новое значительное снижение государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары.

Трудящиеся Советского Союза видят и знают, что наша могучая Родина идет к новым успехам. У нас есть все необходимое для построения полного коммунистического общества.

С твердой верой в свои неисчерпаемые силы и возможности советский народ идет к новому этапу строительства коммунизма. В мире нет такого народа, который мог бы остановить поступательное движение социалистического общества к коммунизму!

Всё хране и богате становится наша социалистическая Родина. На ней необычайных просторах появляются кипят творческий труд советских людей: воздвигаются новые фабрики и заводы, отстраиваются города, создаются гигантские гидроэлектростанции, проводятся каналы, насыщаются огромные полезащитные лесные полосы, преобразуются безбрежные пространства земли на благо советского человека. Советские люди, все народы нашей многонациональной страны, в тесном единстве, в братском содружестве, по предварительным данным своего великого урожая и учителя И. В. Сталина, под руководством Коммунистической партии уверенно строят великое здание коммунистического общества.

Советский народ неизменно одерживает великие победы потому, что он опирается на всю свою деятельность на машины, на научную и техническую базу. Эти научные базы были заложены Марксом и Энгельсом. Высочайшая часть работы она получила в генialных трудах И. В. Ленина и И. В. Сталина. В произведениях Ленина и Сталина научно обобщён громадный опыт общественного развития эпохи и революционного движения в условиях новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарской революций, эпохи крушения капитализма и победоносного развития социализма. Эти произведения являются неизменной сокровищницей мысли, бессмертных идей, ярким светом озаряющих наше настоящее и будущее.

«Из всех достоиний, имеющихся у нашей партии, — указывал товарищ Сталин, — самым важным и ценным достоинием является ей идеальное достоинство, ей идеальный багаж, ей проприональная линия, ей революционные перспективы». Коммунистическая партия и советский народ силы и небывалыми своей верностью марксизму-ленинизму, великому учению и знаниям Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Марксизм-ленинизм является главным боевым оружием в борьбе советского народа за коммунизм.

Всё больше Коммунистическая партия огромное внимание уделяет прагматике марксистско-ленинской теории, постоянно призывает наши кадры, нашу молодёжь неустанно изучать марксизм-ленинизм, овладевать теорией. Без овладения ленинизмом, без глубокого изучения основных трудах классиков марксизма-ленинизма нельзя стать созидающим строителем коммунистического общества. Особенно настойчиво должна изучать марксизм-ленинизм наша молодёжь, либо ей предстоит нести вперед победоносное знамя коммунизма.

Бессмертное имя Ленина — Сталина, неумирающее ленинско-сталинские идеи вечно будут жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества. Именем Ленина и Сталина будет занобывать себе всё новые и новые мыльницы приверженцев и борцов во всех частях света. Поэтому, начертанное Лениным и Сталином, иные идут великий народ Китая, труженицы стран народной демократии, которых вместе с Северной Кореей, Северной Германией, Чехословакией, Угарией, Ливаном, Сирией становятся учениками широких масс в капищах иконостасов и храмовидных спиралей. Народы этих стран под руководством своих коммунистических и рабочих партий усиливают борьбу за мир, демократию и социализм. Мы живём в век всемирного триумфа деда Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, в век его немыслимой полной победы во всех странах мира.

А. НАБАТИЧКОВ

В ответственные минуты жизни мысль каждого человека становится отчайливой, чувства определённой. В эти минуты человек может не только представить своё место в событиях, участником которых он является, выяснить свою отношение ко всему, что происходит в мире. Человек начинает искать самую высшую точку зрения, с которой можно было бы видеть и свою судьбу и судьбу народа.

Лучший сталяр и комсогр мартеновского цеха завода «Азовсталь» Николай Переверзев знал, что такую точку зрения могла ему дать только Коммунистическая партия.

У партногра завода был общий кабинет с комсогром, и сюда входили то пожилые сталяреи, то безусые юноши-подручные. Первые разговаривали с партногмом руководителем, человеком их возраста и опыта; вторые, чтобы не мешать старшим, подсев к Николаю, переходили на шёпот. Но чаще всего здесь спорили, как могут спорить, только двадцатигодие юноши, вышедшие на широкую дорогу жизни. Зависит от них будущее, парторг с улыбкой наблюдал за спорщиками, особенно за черноволосым энергичным Николаем, в котором ему давно покоризалась прямота и ясность суждений. Однажды Переверзев разговаривал с молодым сталяреем, учредил его, что он не помогает своим подручным, не подсказывает им, как лучше работать.

Сталярев смущённо оправдывался:

— Должен поспать... У наших старших товарищеских коммунистов сколько леа, а они успевают учить нас, подсказывать нам...

— Чудак, разве же можно сравнивать!..

— Я не сравниваю... Я для того говорю, чтобы ты пример брал. Понимаешь ли, о чём говорю?

— Понимаю...

Дружеская беседа комсомольцев длилась несколько минут. Под конец партногр тихо сказал:

— Ты знаешь, что завтра съездом в наименее благоприятном месте произойдет нечто, о чём ты не подумывала и находитесь даже внимательно прислушивалась к словам Переверзена. Время от времени на его суровом лице появлялась одобрительная улыбка. Он давно собирался поговорить с комсомольским воожаком о серьёзном деле. Когда сталярев ушёл, партногр спросил:

— Слыхал, Николай, ты не задумывалась над тем, что тебе пора в партию?

Вопрос был задан неожиданно. Николай вспыхнул. Ответил тихо, заметно вздохнув:

— Думал... Только вот... — Николай вдруг замолчал. На смуглом лице отразилось не то сомнение, не то растерянность.

Партногр насторожился. Не это он ожидал от боевого комсогора!

— Ну что ж, — сказал Говорун.

— Думал... я думал, да рекомендации просить у коммунистов некто не подало. Ведь их получит только не для лада — для дна, а на всю жизнь. Поверят ли они мне на всю жизнь? А она у меня только начнётся...

Серые глаза партногра сразу же потепели.

— Хорошо, что так думаешь, Николай... Значит, всегда будешь помнить, что твои



Николай Переверзев.

Рядовой великой партии

коручтчики оказали тебе доверие до конца дней, где бы ты ни был, — рядом ли с ними, далеко ли от них... Становясь членом партии, ты соединишь свою маленькую жизнь с её большой жизнью, которая становится историей. Понимаешь?

— Понимаю! — тихо ответил Николай.

— Да, Николай, рекомендации надо просить с крепкой верой в себя. Верил — иди смеё!

— Я в себе верю! — ответил Николай решительно.

— И я в тебе верю! — сказал партногр.

Когда к Николаю приходила большая мысль, она овладевала им целиком. Так было и теперь. После разговора с партногром Николай с юношеским нетерпением стал думать о том дне, когда коммунисты позовут его в свою ряды, когда он возвьётся на себя равные с ними обязанности пробы. Оную рекомендацию для ему партногр сделал, обратился к механику цеха. Николай честною приходилось с ним поругаться из-за оборудования, поэтому, когда молодой сталярев остановил его около табельной, механик настырил:

— Ну, что у тебя опять?

— По личному вопросу...
— Вот это лучше! — пошутил тот. — А я думал, опять что-нибудь...

Выслушав просьбу Николая, механик посыпал:

— Даам... Тебе дам!
На партногровом собрании, когда Николая Переверзева принимали в партию, сталяреши шумели:

— Сердечко, поди, того, заменил, а? У него четыре поручали!

— Как четырёх?! Четыре — не по установке!

— Нет, серьёзно, кто же четырёх?

— А его дела: скоростная плавка!

Николай несколько раз присваивалось звание лучшего сталярева Ставропольской области. Коммунисты цеха знали его и как хорошего комсомольского организатора. Рассказывая о себе, он сообщал им о том, что формировалась как человек:

— Был пионером... пионером... начальником отряда...

А потом ему пришлось рассказать о довери, которое оказывали и оказывали ему комсомольцы, избранные в свои руководящие органы. Все коммунисты, особенно пожилые, слушали Переверзева внимательно. Многие в эту минуту думали о своих детях: «Вот как они идут по жизни!» Их казалось, что молодой сталярев рассказывает биографию своего поколения, военного времени и замечательного родного Коммунистической партии. Николай сказал, что, окончив школу мастеров, он готовится поступить в заочный индустриальный техникум. Коммунисты познакомились не только с прошлым Переверзева. В эти минуты они как бы вместе с ним заглянули в его будущее. Николая привнесли единогласно.

Это был счастливый вечер. Николай щёлком молотка, минуя края кипы своей переписки, всё, что было на письменном собрании, — вопросы толпички, свои ответы на них. На собрании он воинствовал. Если бы сталяреи-коммунисты не знали его с того дня, когда, окончив восьмой

класс, он пришёл в цех, то ответы Николая показались бы сбивчивыми. Николай вспоминал и то время, когда он впервые увидел мартеновскую печь. Это было несколько лет назад.

Переверзев остановился перед печью. На неё пахнуло жаром. Яркое знонное пламя, сделав крюк, и заставило закрыть глаза. А когда он открыл их и увидел, что печь начала кланяться в бубен, из открытого отверстия хлынула осадающая massa. За его спиной раздался смех. Обернувшись, новичок встретился с хитроватыми, насмешливыми глазами бывшего паренька.

— Что, струсил? — спросил тот.
— Думал, что повалится...

— Нет, это я её наклонил. Наши печи так устроены. Ни где таких нет: качающиеся...

— Это что, сталь? — спросил Николай.
Сталярев снова засмеялся:

— Нет, это шлак... Когда сталь идёт, печь катится в другую сторону. Хочешь, покажу?

Тогда же они познакомились: Николай с благодарностью вспомнил первую встречу с подручным сталярева Василием Тодор-

ым, с которым они теперь работали на одной печи.

— Вспомнилось, как он познакомился с партгормом. Тот работал крановщиком на разливочном прôлете. Придя в цех по направлению райкома комсомола, Николай включился в активную комсомольскую работу. Ребята готовились к комсомольскому собранию, и нужно было посоветоваться с партгормом. Начальник смены Фёдор Фёдорович привёл его в кабину разливочного крана и ушёл.

Партгорт был занят. Николай видел лишь бритый затылок на широких ляшах. Не обрашиваясь к партгорму вопроса цементного подразделения. С высоты крана Николай смотрел на разливочный прôлёт, где гигантские сечи горячих заполненных сталью изложницами, печи, но уже с той стороны, откуда идёт горячая сталь. К приёмке стали и готовился партгорт. Сверху было хорошо видно, как, разбрасывая искры, горячий метал поднимал над ковшом огненный столб. Донёсся гремящий звук, слышавшийся когда казалось, что внизу пробегает горная река. Партгорт отголосился и сказал довольно:

— Люблю этот момент. Кажется, держу ковш в руках и чувствую, как он наполняется и становится всё тяжелей и тяжелей... Вот принимают сталь и мысленно распределяю, какой ковш куда: один на тракторы, другой на экскаваторы, третий на высотные эдинции... Всёело, а? Ну, теперь расскажешь ты...

Николай сидел склонив голову, потом помнил тот первый разговор с партгормом. А сколько им приходилось беседовать, когда Николай избирался комсомольским цехом! После каждой беседы с ним молодой комсорг обогащался новым партийским взглядом на жизнь.

Ни одна, даже самая крупная победа стацевара не избавляет его от новой борьбы.

Начиная от того, каким образом работал Переверзев, считалась комсомольской. На ней смотрели, как на образцовую. Всруг дела пошли плохо даже у Николая, за которого утвердились слава одного из лучших стацеваров цеха. Начались разговоры и о Николае:

— Захвалили парня...

Николай и сам знал, что такой разговор должен был возникнуть. Действительно, первая печь могла иметь лучше показатели, если бы одна из стацеваров, Вениамина Коренкова, работала хорошо. Работа стацеваров коллективная. Каждую плавку, которая обычно длится более десяти часов, варят непременно два стацевара. Первую половину — один, вторую — другой. Те плавки, которые Николай варил с Василием Шкрупатором, были хорошие. Но когда он принимал плавку от Коренкова, она всегда затягивалась, потому что Вениамин допускал много ошибок. Николай часто с ним ругался.

— Ну, людно... Подумашь... — отвечал Вениамин, глядя на Николая своими большими голубыми глазами сверху вниз; при этом его круглое румяное лицо не выражало ни обгорчения, ни раскаяния.

— Как тебе не стыдно, — говорил Николай, — ты же подводишь нашу комсомольскую организацию! Ты виноват...

— Виноват, виноват... Ну и виноват!

Веняку нальяло было даже рассердить. Высокий, нескладный, он на все смотрел добродушно и наивно. Николай был знаком с ним ещё до завода. Они учились в одной школе и пришли на завод «Азовсталь» почти одновременно.

Дружить они в школе не дружили, но когда встретились в цехе, стали относиться друг к другу по-приятельски. На этот раз Николай сказал:

— Слушай, Коренков, я добьюсь, чтобы на комсомольском броно заслушали твой отчёт.

Николай показалось, что на лице Коренкова отразилось беспокойство. Но через минуту он уже глядел попрежнему и безмятежно:

— А что я, комсорг, чтобы отчитываться?

— Ты комсомолец, — сказал Николай сердито.

— Я рядовой, — пробурчал Коренков, — я в знати, как некоторые, не лезу...

— Очень плохо, — сказала Николай, — что ты не стремишься стать знатным.

Комсомольцы собирались дружно. Кроме членов броно, на заседании пришли из задовского комитета комсомола, комсоги группы, подручные Переверзева и Коренкова; зантересовались отчётом комсомольца партгорма и начальника цеха. Сам Коренков пришёл, когда все были уже в цехе. Серьёзные лица товарищей пронесли на него сильное впечатление. Войдя в помещение, он в нерешительности остановился у порога.

Проходил к столу, — пригласил его Николай.

Вениамин снял фуражку и как-то боком, не глядя на товариши, прошёл вперёд. Когда ему представили слово, он поднялся нехотя.

— Пусть уз лучше он говорит, — и кинул на Переверзева, — всё равно ведь ругнётесь. Пусть он и начнёт.

Все засмеялись. Даже его собственные подручные поглядывали на Коренкова насмешливо. Работай он по-настоящему, или бы тоже не пришлось краснеть за свои плавки. Слава стацевара была бы их славой. Они завидовали подручным Перевер-

зова, которые зарабатывали хорошо. Если в газете пишут о Переверзеве, то обязательно назовут и его подручных — Василия Тодорова, Константина Михалчукса, Леонида Кальмирида. А с такими, как Коренков, куда пойдёшь? Разве что в цеховой «Крокодил». С местом зашумеш:

— Отчитывайся, Коренков!

Коренков продолжал молчать. Ему действительно было не легко, если бы разговор начал Николай. Пусть бы отругал, пусть бы упрекнул за многие недосмотры, пусть бы пригрозил выговором, было бы легче высушить всё это из чужих уст, чем судить самого себя, а ребята именно этого и требовали от него. Но ведь трудно посмотреть на свою работу со стороны и определить, что в ней плохого, а что хорошо.

— Ну, людно... начнёт он тихо, — будь говорить... Я не понимаю, почему я должен быть, как Переверзев. Допустим, он работает лучше меня... Ну и пусть! А если я не могу быть таким же...

Представитель комитета комсомола спросил:

— А каков у вас образование?

— Такое же... Мы с Переверзевым учились в одной школе. Потом я в сорок седьмом году окончил ремесленное училище.

— Тогда почему же вы не можете работать, как Переверзев?

Коренков покраснел, начал было что-то говорить, но запутался и замолчал. Потом поднял свою раскрасневшееся лицо, посмотрел на всех добродушными глазами, махнул рукой и сказал с детской обидой:

— А что он всё время лезет меня учить?

Начальник цеха, наблюдавший за Коренковым, спросил:

— Может быть, Переверзев придирался к вам? Может быть, он ругал вас несправедливо?

Но, к удивлению всех, Вениамин, немножко полумя, ответил:

— Нет, он ругал меня правильно. Только мы просто не сработались.

Поглядев Коренкова маленький Тодоров нетерпеливо хмыкал, свои чёрные брови, видимо, намереваясь высказаться:

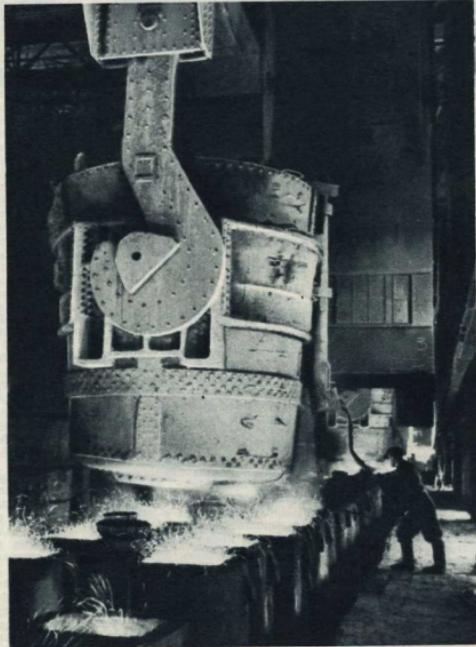
— Я скажу о себе.

— Вот, оказывается, кто любит отчитываться-то! — сказала подручный второй печи и за смехом.

— А ты не лжись, — ответил Тодоров, — слушай с Коренковым относится ко всем... Каждый должен посмотреть на себя. Вот я и посмотрел. Когда Переверзев только-только пришёл на завод и начал скользить нашу организацию, уже был подручным, я, можно сказать, первый начал рассказывать ему про печь... А теперь он настоящий стацевар, а я ешё подручный. Думал, не обидно было бы. Но себя обидно не вижу. Никаких ошибок. Начал работать с первым и понял, что я не дурак ящик. И он меня по настоянию учит. А ты, Коренковы, как учишь своих подручных?

Партгорт взял слово лишь тогда, когда все комсомольцы выскакивали. По его суровому лицу было видно, что он хочет сделать серьёзные выводы.

— Слушай я и Коренков, — начал он тихо, — и мне стало обидно за него. «Я не могу быть таким же!» — сказала он. Мы уважаем труд и ценных человеков. Что значит — знатный человек? Это такой человек, который своим примером ведёт за собой остальных, это такой человек, который даёт стране для её величия структуры союза и тысячи тонн сверхновой стали. Вот в чём ценность знатного человека! И в комсомольском уставе сказано,



Ждановский металлургический завод «Азовсталь». Разлив металла.

что комсомолец должен быть примером для молодёжи в труде и в быту. Устав как раз и извещает на то, чтобы все мы были передовыми.

Кренко досталось Кореневому. Николай предложил попросить начальника цеха Лепорского, чтобы на время отстригли Вельку от обязанностей стальвара. И Пере-верзев не удивился, когда однажды разжалованый стальвар подошёл к нему, не докопавшись до приглядки свой пшеничный чубчик сказал:

— Знаешь, Николай, вот вернулся в стальвары, непременно тебя перегоню. Мы с тобой еще посоревнуемся...

Не прошло и полгода, как Кореневский сдёржал слово.

Одни из героев писателя Константина Федина когда-то жаловались на то, что он всю жизнь старался попасть в круг больших событий и не мог его всегда отмывать, отбрасывая в сторону. Какая-то чудовищная болтливость — сила, действовавшая до революции, настойчиво отбрасывала его из заложки жизни...

По-иному складывалась судьба молодого советского человека Пере-верзева. С тех пор, как он пошёл в школу, его всегда тянуло вперёд, в круг интересов и событий всё большими и большими. Когда думашь о части целого, всегда думаешь и о целом. Беспокоясь о долях своей мартеновской печи, о долях цеха, Николай беспокоился об усехах всей нашей металлургии. Выдавая десятки тысяч тонн сверхплановой стали, молодой стальвар помнил о той великой задаче, которую поставил перед стальварами-товарищами Сталини, — давать в год шестьдесят миллионов тонн стали, чтобы гарантировать стране от всяких случайностей. Он понимал, что каждое звено в плавке, выданные им — это его личный вклад в дело мира. Но паох тот коммунист, который думает только о своих личных успехах. Николай всегда помнил стальные слова о том, что в работе надо дорожить лучшими и добиваться общего подъёма.

...В цехе усложнялась технология. Даже опытные стальвары в первое время начинали сдавать свои позиции, зато Кореневский работал быстро и хорошо. На его аличном счету появлялись тысячи тонн сверхплановой стали. Однажды он даже перегнал бригаду Пере-верзева. Тот встретил Вениамина и попутно:

— Как это ты? Бывало, с простым чугуном еле спрашивали, а сейчас чугун трудной, да?

Тоже вспомнила! — ответил Кореневский. — Чугун-то был простой, а я ёщё проще. Теперь я тебе спускую не дам...

Иногда Кореневскому казалось, что стоит ёщё немного поднажать, и он закрепит свою победу над Пере-верзевым. Но тот, в свою очередь, делал новое усилие — и Вениамин оставался чуть-чуть позади. В разгар этого настоящего соревнования, поддержанного другими, Николай, по выражению Вениамина, вышел «из игры». Начальник цеха Владимир Лепорский назначил ему мастером блока.

Николай дал согласие сразу. Как стальвар он был известен на заводах Юга. У него получалась большой стальварский опыт. А как мастеру, ему нужно было всё понимать, начинать осваивать новую работу, завоёвывать авторитет. Лепорский привез, что тревожило Николая.

— Но ты, Николай Васильевич, вот что учи, — сказал он, — быть хорошим стальваром тебе легко, а стать хорошим мастером труднее. Под твоим руководством будут работать четыре печи, четыре стальвара... Сделай их скоростниками! Передай свой опыт другим, и тогда твой стальварские знания не пропадут. Я ведь говорю с тобой, как с коммунистом...

Николай внимательно следил за доводами начальника цеха и с каждым его новым словом убеждался, что он прав, что держаться за старые успехи и бояться новых трудностей не в правилах коммунистов.

— Подпишитесь приказ! — ответил он решительно.

Вас. ФЕДОРОВ

Высотное здание
у Красных ворот.

Фото Г. Борисова



Николай АСЕЕВ

Подъезжая к Москве

Как заглавные буквы,
в фольянте древнего города
всем иным городам в низдание
поднимаются гордо
высотные здания!

Это

не засеканские

небоскрёбы,

вместлища

долларовой утрыбы.

Это новая Повесть пламенных лет,

повесть честности и правды,
наш суровый и твёрдый ответ
морю злобы и клеветы!

Выстится

величайшее здание

нового университета,

действительно храм знания

и света!

Подтверждение нашей героники,
человеческого гордого знания —
коммунизма, могучие стройки,
скоростные высотные здания.



СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

ИЗ РАССКАЗОВ,
ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Ранним июньским утром мы втроём стоим у зелёной полевой балки. Солнце толкно что взошло и озарят её восточный склон, преструйкою цветами.

Маяя наравила охапку цветов, перебирает их, пахнет. Когда она два раза подряд называла клевер кашкой, Борис укоризненно заметил, что, видно, она забыла ботанику.

— Терпеть не могу ботанику! — вдохнула, сознавшись Маяя. — Люблю природу. Люблю эту балку, — продолжала она, подозрительно простодушно, — с травой, с цветами... Она делает маленьку паузу. — Вон с теми сусальными норами... Как жаль, что её надо преобразовывать...

Борис всхихнулся. Сейчас он скажет что-то неопровергимо правильное. И Маяя с самым кратким видом ждёт отповеди. У неё карие без блеска глаза на матово-белоснежных личиках; из-под широкополой шляпы выбиваются слегка выплющенные каштановые волосы. Борису это безразлично. Когда речь идёт об утверждении каких-нибудь наружности противника для него не существует.

Борис и Маяя, так же как и я, — будущие географы, они перешли на четвёртый курс университета и я на пятый. Я знаю их не-однократно по факультетским комсомольским собраниям и по студенческим вечерам. Теперь мы встретились на практике. Со вчерашнего дня мы трое состоялим отряд, в котором я, как старшая, начальник.

Я пробовала отказатьсь быть начальником, ссылаясь на то, что у меня нет организаторских способностей. Но руководитель практики профессор Геннадий Фёдорович только усмехнулся: «Тем более необходимо им приобрести». И стал втолковывать, как мне надо держать себя с членами отряда: «Представляйте им больше самостоятельности, самодостаточности, инициативы. Не выхватывайте у них приборы и инструменты, не замерьте, не ройте, не считайте на них, а руки-то да-ти. Помните, что вы трое отвечаете за работу пусть маленького, но коллектива!»

Хитрый старикан! Должно быть, он ещё во время прошлогодней практики заметил, что я стараюсь всё делать сама. Разве я виновата, что у меня такой характер? Мне всегда кажется, что другой побудит, напутает. Я уверена только в тех данных, которые добываю своим трудом. И, правду сказать, я люблю, чтобы было видно, что это именно моя, личная работа.

Впрочем, раз теперь моя работа заключается в том, чтобы требовать с других, я постараюсь быть взискательней, чем Геннадий Фёдорович.

— Холодов, — говорю я нарочито офици-

ально, — нельзя ли отложить диксессию? Определённо водообеспечено! — И придирчиво слежу, правильно ли он читает карту, видят ли, какие массивы куды имеют уклон и какие из них будут питать водой наш пруд.

— Отлично! — говорит он невольно подражая интонации Геннадия Фёдоровича. — Теперь заливаем шурпу. Прислушайтесь!

Геннадий Фёдорович по секрету дал мне на час Маяя особый наказ: «Никаких поблажек!» Сам он с большим предубеждением относится к хорошеньким и нарядным студенткам. Ему кажется, что такие девушки ко всему прикасаются лишь кончиками пальцев. Поэтому на экзамене он спрашивает их гораздо строже, чем других, а в практике прямо вздохнут не даёт.

Майя и Борис начинают копать.

Выполняя указание Геннадия Фёдоровича «упражнить каждого в каждой операции», я периодически меню Майя и Бориса местами. Даже скрепа сердца позволяет им делать отсчеты по рейкам и вести запись в полеме журнале.

Солнце поднялось уже довольно высоко. Надо было перекусить, но перерыв делать не хочется, так как впереди самое интересное — работы с инвентарём.

Вдруг рядом раздался голосок:

— Это не вы будете экспедиция?

Я вздрогнула от неожиданности. Майя замялась, Борис солидно произнёс:

— Ну, мы... А вы кто?

На склоне балки стояла девочка лет двенадцати с узелком в руке и с большой вязанкой прошлогодним будильником подсолнечника за спиной.

— Я Дуняша, — ответила она с готовностью. — Меня Игнат Степанович пожал. Говорят: «Как накормишь тракториста, ступай в Мокрий луг, там экспедиция пруд планет». Отнесёшь им поздник, а заплатят в кантоне. Я сейчас... — И,бросив вязанку, девочка захлопотала вокруг неё.

Председатель колхоза Игнат Степанович, человек лет сорока пяти, произвёл на нас большое впечатление своим богатырским ростом и сложением и, пожалуй, еще больше — своеобразием речи. В его языке агрономические термины соседствовали с поговорками, народные обороты — с научными выражениями.

Нас он встретил там, где было и лесисто и немного нелюдко: засохшие мозолистые специалисты (это были для будущие специалисты) — для колхоза важна наина помошь (хотя, в сущности, задача нашей практики была очень скромная: дать первичный материал для изыскателей).

Он велел заложить выездную пару и сам

доставил нас на балку, не отказав себе, впрочем, в удовольствии похвастаться кружным путём, чтобы показать нам путь.

Водоем окружены липами с жигтиком Игнат Степанович, почти как заправский экскурсовод, сказал: «Благодаря травам мы проникнем вглубь почвы — удилием своих рук». Он настукал вожжи, чтобы осадить коней, а мы, забыв о людере, с уважением смотрели на его могучие руки, все в рубахах от боевых ран.

Игнат Степанович обращал наше внимание на чистоту пшеницы, на прямолинейность рядов подсолнуха и свёклы. «По краину ряду может пройти только тяжки для бабы птицы», — говорил он, — а надо, чтобы культиваторы всюду проходили». Он радовался, что вспахано в колхозе и сильно улучшилось качество воды. Построить пруд — организация поливного сезовного обработки земли воистину владела его мыслями.

Попадение в балке маленькой побывши быль подтверждением живой заинтересованности председателя в нашей работе.

Лапши разогрелась быстро. Мы с аппетитом едим её присеневшим Дуняшей круглыми деревянными ложками.

— А вы, значит, пруд строите? — спрашивает девочка.

— Ну, не совсем ещё строим... — сконфузился Борис. — Делаем предварительные изыскания.

— Вы его скорей делайте, — с нотками нетерпения продолжал Дуняша. — А то трактористам простишь хоть не стели. Ихин брагадир Игнат Степанович всё душ требует. Выдумывает тоже — дури! Всё это вышку надо ставить, а на неё баек да воду наверх таскать. Сколько это трудней?

Дуняша вытирается в опустевшую миску вареники, пропитанные вишнёвым соком, и метательно говорит:

— Когда построят пруд, я на птицеферу пошлюсь. Вон в «Красном пахаре» взяли из инкубатора три тысячи утят и гусят. Они такие жёлтенькие...

— А не боиньши, что гуси будут тебя за ноги щипать? — говорит Маяя и делает страшные глаза.

— Вот ёшё! — возражает Дуняша, инстинктивно одергивая платье. — Они маленькие... Они ко мне не придут.

Несколько минут мы занятые варениками, девочка — своим мечтанием.

«В Красном пахаре», — прервала она молчание, — у пруда движок поставлен и оросительные делают. А у нас колодцы озини... — с гордением добавила Дуняша. — В «Красном пахаре»... — из её детской груди вырывается восхитительный вздох, — лодку привезли, на пруд пустили. И даже один старый-старый старик

плывать научился. Там уже веточки на берегу растут, осенью наряжают листочки в так хороши...

Не знаю, как Майя и Борис, а меня эти листочки, плавающие по воде, за сердце взяли. Именно в эту минуту на месте ложбины, где накапливали несколько колен сена, я впервые совершенно отчаянно увидела будущий пруд.

Я представила нашу балку, до краев налившую водой, и тараканчик двигатель и дождевальную установку. Обязательно дождевальную! Такую, как нам показывали на опытной станции. Веерами расходится искристая водяная пыль. Будто выстроились в ряд хрустальные чаши. Солнце окунается в них, и над землей встаёт радуга. С безоблачного неба начинает накрываем дождь. А в поле прямо на глазах всё растёт, растёт!

Я решительно поднималась с травы, показывая своим товарищам, что перерыв окончен. Внимание Дуньши привлекают наши инструкменты.

— Какие папки «весьма»! — говорит она.

Я смотрю на рейки, и мне самой они вдруг кажутся «весьмами»: все в белых, красных, чёрных делениях.

— А в трубу можно поглядеть? — спрашивает девочка робко.

И мы спешили для неё возиться с инвентарем, чтобы установить ей по росту девочки. Майя взяла держать рейку. Я обеими руками беру белую дунину головку и слегка нагибаю её.

— Вот так... Видишь тебе?

— Тут ниточки какие-то мешаются, — шепчет Дуньша.

Борис начинает терпеливо объяснять, что в ниточках вся суть: надо смотреть, на какое деление рейки они попадают, и брать отсчёты. Так узнают превышение одной точки местности над другой и расстояние между ними.

— Поняла! — спрашивает он. — Ты на рейку, на рееку смотри. Ну, что видишь?

— Красные на ней облупились, — сообщает Дуньша — комары перевернулись обратно, а то были вверх ногами.

— Ладно, — говорит Борис. — На первый раз хватит с тебя.

Девочка не отходит.

— Может, вам помочь надо? Я попрошу у Игната Степаныча... Дадите хоть линейку держать...

— Ого! — отрывается Майя. — Это не так просто, как ты думаешь. Здесь нужно акцессорное терпение. Надо держать совершенно вертикально и стоять неподвижно, как столб.

— Я буду вертикально, — обещает Дуньша, — я буду неподвижно. Пусть хоть оводы кусают!

— Нельзя! — говорит неумолимо Борис. — Сначала окончи десятилетку. Потом поступай к нам на географический, вот тогда разрешат.

Мне становится жаль девочку. Хочется сказать ей что-нибудь ласковое. Но Дуньша неиз

тех, кто унывает. Через несколько минут она уже опять весела, хозяйственно собирает посуду, завязывает в платок махотки, миску, ложки.

— Воды вам принести? — вдруг спрашивает она. — Трактористам везёт.

Вода у нас есть в походных флягах, поэтому мы, поблагодарив, отказываемся. Медленно, то и дело оборачиваясь, Дуньша начинает подниматься по склону. Я провожаю её взглядом и стараюсь понять, почему последние слова девочки как-то по-хорошому взволновали меня.

Да, уже второй раз, говоря о нас, она тут же упоминала трактористов. Невольно вырастаешь в собственных глазах, когда тебе ставят рядом с такими нужными колхозу людьми.

До вечера мы определяем угол дна балки. Снова периодически меняемся местами, так, чтобы каждому представлялась возможность упростить внимание инженеру. Сначала мне стало большого труда не выхватывать у Майи и Бориса приборы и инструменты, не проверять каждую называемую ими цифру. Но я отлично понимаю, что иначе они потеряли бы вкус к работе. Я сдерживалась.

Вечером в правлении Игнат Степанович дружески приветствует нас:

— А, преобразователи! Как дела?

— Водосборная площадь пять квадратных километров, — авторитетно заявляет Майя, и все в комитете поверачивают головы и смотрят на неё с уважением. Даже счетовод перестаёт щелкать костишками.

А я готова рассердиться: чего она высказывает? Разве здесь нет начальника отряда?

— Пруд получит сто пятьдесят тысяч кубометров воды, — поясняю я.

— Вот спасибо, товарищи! — говорит Игнат Степанович, будто это наша заслуга. — Значит, поправить будет больше пятнадцати гектаров.

Комиссионеры, собравшиеся в правлении, замывают им водопадами. Многие используют различные способы полива, спрашивают, какой из них лучше. Я, конечно, высказываюсь за дождевание: оно ближе всего к естественному, природному процессу. Один колхозник замечает, что дождевальная установку приходится перетаскивать, при этом поливальщики наступают на растения, кроме того в местах

соединения труб вода подтекает и делает промоины.

— А правда ли, — обращается он ко мне, — что изобретена специальная пушка для орошения: её заряжают водой, стреляют, и дождь идёт над целым полем?

Застыгнутая врасплох, я высказывала предположение, что пока это научная фантастика. Но Борис, не щадя своего самолюбия, заявляет, что да, он читал, такие опыты производятся. А женщины деловито делишись, какими культурами выгоднее всего сеять на орошаемом участке и сколько, например, можно получить с гектара маҳорки.

— У нас уже тут глаза и зубы на пруд разгорелись, — вставляет словцо Игнат Степанович, — хотим, чтобы сразу и раба, и птица, и ветвистая пшеница, и сладкий бурачок, и крепкий табак!

По комнате покатывается смех.

А держать воду он будет? — вдруг тревожится кто-то. — Не уйдёт, как в «Рассвете»?

Мы отвечаем, что, судя по образцам, выпущенным из ямы, глинистый слой недалеко, воду держать будет.

— Ну, орудуйте, орудуйте, молодые специалисты! — напутствует нас председатель, чрезвычайно довольный.

Ночевать мы решали на свежем воздухе. Нам с Майей постелили в плетённой сторожке. Осенью хозяйка ссыпала в неё блоки. И мне кажется, что и сейчас здесь пахнет антоновкой.

А верный себе Борис тут же в саду разбил палатку: он хочет чувствовать себя в походе.

После ужина я не пошла сразу спать, а подсела в хозяйственную избу к лампе. Мне не терпелось узнать объём пруда. Вычисления пришлось делать на бумаге, так как я забыла попросить в конторе счёты. Скорее я пожалела об этом, должно быть, я где-то напутала, и результат получился явно ошибочный.

Приверело голову и сижу. Что за нахаждение?

Стисну голову руками, — сижу, как мне кажется, целую вечность. Наконец, сплюхнувшись, что хозяйка не похвасталась за выхясненный керосин, гашу лампу и, стараясь не звякнуть щеколдой, выхожу через сени в сад.

Борис и Майя сидят за столиком, вкопанным под яблоней. Испещрённые лунными бли-



ками, они выглядят странными, непохожими на себя.

Чтобы избегнуть вопросов, я ссылаюсь на головную боль и проскальзываю в приоткрытую дверь сторожки. Почти следом за мной входит Майя. Засыпав её шаги, я поспешно отворачиваюсь к стене, словно Майя может видеть мое лицо в темноте.

Утром я проснулась действительно с головной болью.

По дороге к месту работы Майя несколько раз участливо осведомлялась:

— Что с тобой, Тоня? Тебе недоровито?

Я отмахивалась.

Вот и балка, озарённая солнцем, расцвечена клеммером и ромашкой. Но Майя не рабочий цветок.

Поддавшись моему настроению, она тоже хмыкнула.

Эх, значит, сегодня будем отбирать участок для орошения? — полууважительно произнес Борис.

— Нет, сегодня будем исправлять то, что напортили вчера, — говорю я ледяным тоном. Всю съёмку надо делать сначала.

Майя смотрит на Бориса, Борис на Майю. Молча, взглянув, они просят друг у друга поддержки. Я вижу их растерянность, но даже и пытаюсь ободрить их. Напротив, с каким-то мелким, очевидно, не делящим мое честное чувство думкой: «Ага, я намучилась, теперь помучайтесь вы...»

— Вчера кто-то из нас отнесся к работе безответственно, — продолжал я. — Материал никуда не годится.

— Не может быть! — протестует Борис. — Мы делали всё правильно. Я ручусь...

— Ну, — я бы допустил, что данные съёмки правильны, если верить им...

Сейчас я скажу членам отряда, что получается в таком случае. Балка может вместить не больше третьей части стекающей в нее воды. Это значит, что для орошения кней можно «принять», как говорят изыскатели, всего лишь пятнадцать — семнадцать гектаров. Но кто же из-за такого маленького участка будет возводить плотину, строить насосную станцию?

Сейчас, сейчас они все узнают...

В эту гостиную минуту у обивки дороги останавливается наша экспедиционная подруга. Геннадий Фёдорович выходит из кабинки в свой парусниковом костюме, в мягкой панаме.

— Здравствуйте, преобразователи! — воскликнул профессор, будто говоривший с председателем колхоза. Но вчера это слово звучало в наших ушах, как музыка, а сегодня...

Геннадию Фёдоровичу не нужно много времени, чтобы понять наше состояние.

— Э, да тут, я вижу, «плач на борозде», то есть на алке, — говорит он, пожмыв наши руки. В чём дело, друзья?

Пока мы собираемся с духом, чтобы ответить, он берёт у меня половина журнала и мои вчерашние выкладки. Наден старомодное пенсне, руководит практикой, то излагает цифры, то переводит взгляд на бумагу.

— Профессор, — прерывает меня Майя, глубоко вздохнув, как перед пикником в воду, — не воспитывайте нам эти работы. И ничего не обольстите. Дайте нам ещё день. Мы всё-таки переселим и сами найдём ошибку.

Он широко улыбается. — Это ваше личное мнение или вы вод начальника отряда? — Он оборачивается ко мне: — Что вы скажете, Устинова?

— Балка не гордится, — говорю я очень тепло.

— Прудा не будет. — Жестокие слова произнесены. Я чувствую, как рушатся мечты Игната Степановича, и Дунины, и женщин-колхозниц... Всё во мне ходит...

Майя отходит немного в сторону, садится на траву и вдруг начинается плакать, плакать взахлеб.

— Виноградова, сюда стекает достаточно воды. Добавлять нет необходимости, а тем более солёной...

Это сказано тем неумолимым тоном, каким Геннадий Фёдорович пресекает попытки пропаливших зачёт студентов разжалобить его.

Стараясь овладеть собой, Майя сдерживает слёзы, но всхлипывания прорываются, гримасы, детские. Мы с Борисом следим за Геннадием Фёдоровичем, слова листающим журнал.

— Так, так, — рассуждает он сам с собой, отлично.

И робкий огонёк надежды загорается в наших сердцах.

Чтож, — обращается профессор к нам после небольшого раздумья, — подытожим... ПРОЩУ И ВАС, ВИНОГРАДОВА...

Заплаканная Майя присоединяется к нашей группе.

Если бы вы, товарищи, представили такую работу в конце практики, я бы был весьма неудовлетворён, — начинает Геннадий Фёдорович ворчливо. — Да, да, через месяц вы будете обознаны с первым взглядом, не трата времени на съёмку, браковать подобный объект. Разве это балка? — Он протягивает руку вперёд... — Совсем плоская. Не чаша, а корыто...

Обескураженные, мы молчим.

— Но это ваш первый самостоятельный шаг,

— продолжает профессор, — и я не ставлю вам в вину, что вы не заслужили официального глаза. Извините, я ошибался... — Зато съёмка сделана мастерски. Вы убедительно доказали, что строят для пруда для орошения нецелесообразно. Прощу вас, начинайтесь только...

Что это: издается он над нами, что ли?

— Я вижу: Борис, красивый, как пион, хочет что-то сказать, но губы дрожат, и он не может выговорить на слова. У Майи в широко раскрытых глазах недоумение и боль.

— Пруда не будет, а вы нам питечку ставите, — выдавливает Борис с трудом.

Майя, склонившись руки профессора, умоляюще говорит:

— Но... мы не можем оставить колхоз без пруда... Их очень, очень нужен пруд!

— Ах, вот оно что! — насмешливо воскликнет профессор и весь преображается. Умны, понимающие, отеческие взглядом он обходит наши изволненные лица.

— Почем же вы, однако, решили, что на этой плоскодонке свет клином сошёлся? Дайте сюда плащаницу.

Добродушно посмеявшись, он напоминает нам, что колхоз ведь укреплённый. А на массивные в шесть тысяч гектаров таких «здоров природы», как балки, хоть отвалы. Он внимательно рассматривает карту:

— Что вы скажете, например, насчёт этой? Не проехать ли на ней коптером? — И, угадавши радость, командует: — А ну, живо! Ташите всё в машину.

Я собираю рябки. Майя берёт ряжак на одну ляжку и вскidyвается на плечо. Борис, уже нагруженный птичником нивелира и треножником, спешит за ней.

День безоблачный, ясный — и вдруг начинается дождь. Смеясь, болтая, мы спешим к машине. Майя и Борис уже спорят, почему такой дождь называют «слезами».

— Напрасно так говорят, — делает заключение Майя, — «слезой» — печальное слово, а этот дождик весёлый. Давайте лучше звать его «солнечным дождём»!

Дождь затянул воздух стеклянной паутиной. А мне греется, будто встал на под полем веером водяной птицы, струятся, колышется над ними зыбкое радужное марево...

— А как же Дунина? — обеспокоенно говорю я, вспомнив маленькую хлопотунью. — Она придёт, а никого нет.

— Задем в тракторную бригаду, предупредим, — обещает Геннадий Фёдорович и прибавляет шаг.

В. БАХНОВ И Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Грустное явление

Ещё бытует, к сожалению,
Такое грустное явление.

Он был студентом с огоньком,
Все знали Игоря прекрасно,
И потому единогласно
Он как-то избран был в профком.

В профкоме он работал страстно,
Имел большого авторитета,
И потому единогласно
Был также избран в комитет.

Работал он и там, как нужно,
Для дела не жалел сил,
И потому единодушно
Ещё куда-то избран был.

И как он ни сопротивлялся,
Как ни просил, как ни молил,
Он повсеместно избирался,



Во все комиссии входил.
Поэтому зимой и летом
Сидела он икону до рассвета,
Ответственный от комитета
За курсовые стенгазеты,
А днём металася он везде,
Ответственный от клубсовета
За вечера и за билеты,
За культиходы и т. д.

Он бросил бритью, скажем честно,
Нет для бритвы и трёх минут,
Хотя за бритого, известно,
Небритых двух всегда дакт.
Уже давно забросил книги,
Забыл учёбу неспроста,
Комсомор, профорг, бедняга Игорь
Совсем запутался в «хвостах».

Ещё бытует, к сожалению,
Такое грустное явление.

Ульяновск. На Новом Венце.





Токари-скоростники Анастасия Малютина и Нина Юшинина, инициаторы соревнования за сокращение производственного цикла на московском станкостроительном заводе, «Красный пролетарий».

Фото В. Руйковича

В общежитии

[Отрывок из поэмы о молодых строителях Северо-Крымского канала]

Все они — романтики, поэты.
И в душе у каждого мечта:
Где-нибудь поближе к краю света
Возведут памятник города,
чтобы все садо по порядку:
И снега и хмурые леса,
Чтобы ветер мокрые палатки
Ночью раздувал, как паруса.
Чтобы было сырьё там и скользко,
Чтобы недоседать, недосыпать!
Чтобы у героя Комсомольска
Хоть частичку славы перенять!
Всё не так.
И не такие годы.
Ни к чему коптильчая тьма.
Им с домостроительных заводов

Шлёт народ добрые дома.
Прочный дуб. Сухая штукатурка.
В ящиках зеркальное стекло,—
Чтобы жили чисто и культурно,
Чтобы было ярко и светло.
В общежитии — не что попало.
К ним щедра богатая страна:
Шторы, шерстяные одеяла,
Простыни лынного полотна.
И уборщицы таким их поят чаем,
Что от пары мокнут потолки,
Только пусть по дому не скучают.
Пусть о них скучают земляки!
Каждый в общежитии, как дома.
Сколько здесь волнующих бесед!

Здесь давнишним кажется знакомым
Каждый разговорчивый сосед.
Спорят о работниках конторы,
Говорят про лес, и про металлы,
И о том, как в крымских просторы,
Оросин поля, пройдёт канал.
Вдалеке слышны гудки ночных.
Дождь косой с размаху в окна бьёт.
Сила необузданной стихии.
Громом сотрясает небосвод.
Дребезжат и вспыхивают стекла.
А ребятам долго не уснуть:
О своим каналах говорили,
А теперь решают, как в Сибири
Северные реки повернутьly..

Вл. ШУСТИКОВ

ВЛАДЛЕН МЯЧЕВ

Мячевы — потомственные уральские рабочие.

Детство Владлена совпало с годами первых пятилеток. Мальчики бегали смотреть, как закладывается обогатительная фабрика или жилые здания, гонились друг за другом по глухим канавам, вырытым на пустыне, донымили разбросанные в степи колодцы, чтобы рассказать много интересного. А через год на том месте где ребята играли в пятачок, уже поднялся целый многоэтажный квартал.

Шли годы... Вместе с его людьми рос город Кыштым. Вот высажали первую аллею, заложили Парк горняков, и теперь Владлен вместе со своим закадычным другом Сашей Сылкиным целыми днями пропадает в этом парке с кин-гой в руках, завороженный подвигами Павки Корчагина, Чапаева или Метелки.

А потом Владлен пришёл на металлургический завод. Перед старым мастером стоял парнишка со светлыми, выгоревшими бровями, круглым, открытым лицом. Но в пристальном и внимательном взгляде уже пропнула твёрдость, безусловно, необходимая потомственному уральскому рабочему.

— Кем же ты хочешь стать, парень? — спросил старый мастер.
— Экскаваторщиком.
— Слесарем придётся поработать слесарем.
— Слесарем! — разочарованно спросил Владлен.

— А что? Слесарь может до чего угодно дойти! Можешь стать машинистом, трактористом, шофером, можешь даже маршаллом стать, как Климент Ефремович Ворошилов. Перспективная профессия...

Мастер рассказал, с чего начинать дело, и вот Владлен — ученик слесаря. Он выпиливает простенькие детали, делает прокладки и гайки, а сам своим острым взглядом присматривается к перфораторам, ударно-квадратным станкам, стоящим на уступах, к компрессорам и всё восхищается у старого мастера, что к чёму. Мастер говорит, что очень рад, что «раньший класс» подрастает для него и Владленский. А через несколько месяцев Владлен работает помощником экскаваторщика на Гоблагодатском руднике, на том же самом, где когда-то работал рудоконом дед Владлена.

— Ну, как дела, работничек? — спросит, выйдя отец.

И как хорошо на душе, когда он со сдержанностью старого горника похвалит тебя, вступившего в славную семью советского рабочего класса! Но вот первая неприятность:

по твоей вине порвалась на экскаваторе трос. И тебя, как комсомольца, обсуждают на собрании, с тобой беседует старый мастер-коммунист, а отец, сидя за столом, не смотрит в твою сторону. Трудно, невыносимо трудно тебе, но ты никому не расскажешь о своих переживаниях, кроме, пожалуй, одногодичника-экскаваторщика. Ты придёшь вечером в Парк горняков, в дальнюю аллею, где ты обычно

она человек необыкновенный. И ты чувствуешь, что тебе становится легче в присутствии этой строгой девушки.

Пройдёт год, другой, и в том же Парке горняков ты скажешь строгой девушке особенные слова, а через несколько месяцев у неё поженились.

А ранней весной 1951 года Калерия Мячева проводит своего мужа на Волгу, туда, где начинается большая стройка.

Владлен Мячев распахнул дверь, обвёл комнату взглядом — главного инженера не было.

— Входи, входи, Масловский скоро будет, — услышала он знакомый голос.

Владлен Мячев со своим помощником Петром Беловым.

Фото А. Врианова.



Слева у двери, около железной печурки, сидел Иван Яшкунов и сунул рукавицы. Был он в фуфайке, замасленных черных брюках, выпущенных поверх серых растоптанных ватенок.

Владлен и Яшкунов были друзьями. Они оба горячо увлекались комсомольской работой, оба работали на экскаваторах «Уралея» и даже жили в одном доме по улице Лермонтова.

Владлен медленно прошел к столу, снял рукавицы и с сердечком бросил их на табуретку:

— Черт его знает, что получается, Иван! Лесу опять не подадешь!

Несмотря на то, что положение было не из ведом, Яшкунов всё-таки улыбнулся:

— Наконец-то и тебе прорвало! А то Колевко требует, Ламин требует, Яшкунов ни дна, ни ноты не знает, только ты один отмальчишься!

— Да лесу взаймы!

— Здесь столько неполадок,— продолжал Иван,— голова кругом идет! Взрывников, не хватает, забор смазрости, бульдозер... Яшкунов значительной поднял палец вверх,— и тут приходится вырываться у Сретенского с боям. А прораб...

— Не киняется, Ваня!

— Тебе хорошо рассуждать, у тебя характер спокойный, ничем из терпения не выведешь, а здесь... Не кажется тебе, Владлен, что мы слишком либеральны, мягки? Есть люди, которые тормозят строительство, все их видят, все их знают, а решительных мер не принимают, и мы с тобой не ставим этого вопроса. Ты вот просишь у меня лесу. Разве это выход из положения? Вырь, предложим, тебе, но такими заплатками дело не поправишь. Не дам лесу!

— Настал у меня конеком, положение серьезное, и если мы не вырьчим...

— Обижайся, сиди по-тише, не забудь помянуть и своего прораба, который, не жду, что он, неподвластно отвечает за положение леса. Почему мы часто проговоримся? Какая фамилия у этой неорганизованности, какое имя — отчество? Главный инженер района Оглоблина на бедельников и ногодливых людей смотрит сквозь пальцы. Так давай с тобой подожжем, пусть принимают меры!

В это время в комнату вошел Масловский — главный инженер второго строительного участка. Он был в белом полурубашке, в залевших, испачканных глиной и доломитовой мукой. Лицо уставшее, глаза прищурены: главный инженер не спал две сутки.

— У меня к вам очень серьезные претензии,— сказал Мячев, Яшкунов одобрительно кивнул головой.— На «четверке» нет леса. Экскаватор ворот-вотстановился. ПРОшу наказать прораба Нефтулаева и дать лесу!

— Лес воротил через час. Слушай, Мячев, ты же видишь, у меня полный котлован механизмов. Ты можешь войти в мое положение?

— Нет, не могу! Я не уйду, пока не дадите леса! — резко сказал Мячев и в подтверждение своих слов сел на табуретку, положив на стол руки, скатые в кулаки.

Главный инженер помочился немножко, прокидывая, где же можно всё-таки взять лес, и подумал о том, что и в самом деле нужно будет перенести постройку на Нефтулаева.

— Лес сейчас будет,— сказал инженер наконец.— Возможно, что именно вашей бригаде поручим одно очень серьезное задание...

Яшкунов и Мячев попрощались и вышли.

Вечерело. Справа, у самого подножия горы, виднелись громадные конструкции монтируемых кранов и краноголовок. Они были еще неиспытаны и неиспользованы, эти величественные машины, которым предстоит возвести бетонное тело самой могучей в мире — Куйбышевской гидроэлектростанции. Глубоко внизу, за громадными конусами земли, замятанными грязным снегом, виднелись экскаваторы. От них сплошной лентой или груженые самосвалы. Земля в кузовах была близкая и как бы дымилась на заросах.

Владлен Мячев вместе со своими помощниками чистил коши. Был морозный ветреный день. Земля так смёрзлась и так крепко держалась на ковше, что лом отскакивал от неё, как от металла. Пришлось по ковшом разложить костёр; к вечеру «четвёрка» должна была зайти в лесовую каторгу. Весь этот день Владлен проработал на экскаваторе. Он хлопотал, чтобы завезли запасной трос, чтобы были сплачивированы дороги, занярзаны машины. Наконец всё было готово, и Владлен осторожно пошёл машину к большому горбу изжелта-зеленоватой скользящей глины. Экскаватору нужно было врезаться в этот массив, пройти его насквозь и выйти на другую сторону. Положение усложнялось тем, что в этом районе

был экскаваторщик. Грунт стал тверже, и Владлен решил идти на настёл.

Прораба Нефтулаева нельзя было узнать,— видимо, инженер хорошо с ним говорил. Он то бросался на отвад, где почему-то задерживались автомобили, то начинал спорить с инженером по эксплуатации, то принимался отчитывать рабочего, который нервно разбранивал по кузову доломитовую муху. Чёрные его глаза горели, и даже голос стал другим. Вот он ловко забрался на лестнице на экскаватор, прошёл к кабине и открыл дверь. Лицо Нефтулаева было до неузнаваемости испачкано машинным маслом.

Он закричал:

— Вот так всегда, Мячев, критикуешь человека, поднимаясь шум, требуешь лес — теперь целые штабеля лежат, — он указал рукой на брёвна, — а ты идёшь без настила! Совсем твой где?

— Когда же это мы сумели завести столько леса? — удивился Владлен.

— О, ты не знаешь Нефтулаева! — Прораб улыбнулся. — Из-под земли доскани!

В середине смены перерыв стекла забыл, боялся отвалиться, и там, где разыскала вода только сошлась, ударяла плотная, широкая струя.

Бывший водоточь, — коротко сказал Мячев помощнику Виктору Трибину.

Сам же быстрыми и точными движениями стал ковш на ковшом забрасывать глиной то место, откуда была рора. Но глина сползала, а вода всё прибывала и прибывала.

— Такими национальками ничего не славьшь, — услышал он склоной и равнодушный голос сзади.

Мячев обернулся. В кабине экскаватора стоял комсомолец Николай Шляпинков.

— «Андиционер» здесь не возьмет. Пряйте ставить насосы посыпьте, — сказал Шляпинков и метнулся с экскаватора.

Мячев сядя машину наездил и стал устанавливать в размозгленный трубы двойной бревенчатый настил.

А через полчаса в забое было установлено два маховых насоса, и уровень воды немножко понизился. Но экскаватор пришёл Масловский.

— Что же будем делать, Мячев, получается, как в бытние: вперед побеждай — завишаешь, назад побейдь — не выполняешь задания...

Владлен молчал. Положение было критическое.

— А как у вас на Волго-Доне, рисковали? — спросил Мячев и почему-то слегка улыбнулся.

— Конечно, рисковали.

— Ну, что же! Пойдём прямо, Генадий Фёдорович, только Шляпинкову придется быть на экскаваторе, а все время, пока не пройдём этим массивом. И лесу нужно ехать. Всё-таки страшновато...

— Ну, дай, дайай, — сказал главный инженер. — Лес тебе даю. Но расходует пожароминство. Принципиально и троей «четвёркой» саму лучшую бульдозериста. Мишина... Не подведи... — Масловский подошел к Мячеву, и они пожали друг другу руки.

Оно было крепким, это рукожатие двух молодых коммунистов.

К концу третьих суток бригада успела завершить работу на рибмере. Теперь здесь суетились небольшие, полукубовые экскаваторы, бульдозеры, подгрунтовочные карды под бетон. А через не сколько дней прораб Ленихин уложил на этом месте громадную подушку из песчаных щебней и каменного окола, потом строители примутся устанавливать большие деревянные циты, которые будут держать бетон до тех пор, пока он не затвердеет и не обретёт прочность.

«Вот что значит поспорить с главным инженером...», — думал Владлен Мячев, славая смену Леониду Колчину. — Наша споры — делу полспорье...»

Он лёгким, на твёрдым шагом вбежал из бровки откоса, откуда был виден весь котлован, вся панорама огромного строительства.



НА ВАХТЕ — ДИНАМОВЦЫ

В зале собраний московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова было два картины. Одна рассказывала о великой схватке генеральных войск революции Ленина и Столбова с народом.

7 ноября 1921 года. В цехе, убранных хвоеи и кувачом, собирались многие сотни людей. На импровизированной трибуне солдатской шинели перед динамовцами выступает Иосиф Савицкий, командир красной армии. На сцене вспыхнула пыльца, и вспыхнула она вспышкой. Тогда на сцену вышел Илья Ильин, главный инженер завода.

Товарищ Сталин оставил в Красной книге завода историческую запись:

«Когда рабочий «Динамо», как и рабочим всей России того, что промышленность наша нашла в гору, чтобы число пролетариев в России поднялось в ближайшем периоде до 20—30 миллионов, чтобы коллективное хозяйство в деревне расцвело и поднялось, чтобы в деревне и в селе, в деревне и в городе, в промышленности и колхозном хозяйстве в деревне спалили окончательно пролетарские фабрики и труженники земли в одну социалистическую армию...»

Следующие дни, когда наш народ перешагнул тяжелую порогу, динамовцы, как и все советские труженники, пополнили ряды увроты и утробы своих усилий. Нынче они успешно выполняют свою обязанность.

Старший мастером, руководившим работами, назначили Валентина Захаровых, несёт трудовую вахту. К тому времени смена не работала с таким напряжением сил, с таким высоким со временем показателем производительности труда, как прорабы этого смены: Фёдор Смирнов, Вячеслав Ганин, Николай Торин и Евдокия Смирнова — выполнены 22 нормы за смену.

Николай Торин пришёл на завод из ремесленного училища в 1949 году. Он быстро освоил порученную работу. И скоро и начал говорить как о стажановце, мастере своего дела.

В начале этого года Торин внедрил в производство новый метод обработки деревянных конструкций, который сразу же привнес прибавку в производительность труда. Торин изготавливает оригинальное приспособление, которое позволяет фрезеровать одновременно несколько деталей. Технология работы Торина выросла до четырёх с половиной норм в смену.

На снимке: Николай Торин. Фото В. Зуина.

— В. КОНАХОВ

Фото В. Зуина.

котлована был особенно сильный приток грунтовых вод.

Машина шла по плотному бревенчатому настилу, но Владлен заметил, что корпус машинки склонился влево. «Не успел зайти в забой, а уже увязао...» с тревогой подумал Мячев. —Что будет дальше? Владлен всё же осторожно выронил экскаватор и подошёл к забою.

Делошло хорошо.

Зачо машина пронеслась вперед метров на восемнадцать, прорвалась в забой, как гово-

СТИХИ НИКОЛАЯ РЫЛЕНКОВА

Рисунки В. Орлова.



Радуга над полем

Каждый день всё ждёшь и ждёшь
Чего-то.
Вдруг, глянешь — встаёт среди полей
Радуга в поле, как порота
В край просторный, в край весны моей.

Там теперь, теплы и золотисты,
Облаца проходят над Днепром,
Там насторечу лету трактористы
За собой уводят первый гром.

Будет впору вёдро, впору грозы,
Будут травы и хлеба до плач,
А у белой-белой той берёзы
Луг в ромашках, выпытый для встреч.

Чтоб узнал, желанный, долгожданный,
Чьей красой красуется земля,
Рано-рано на заре туманной
Девушки выходят на поля.

Вот они запела звонко-звонко...
Вместе с ними уж не первый год
Ходят по полю моя девчонка,
Мила друга на закате ждёт.

Видел ей с любого поворота
Путь, что встречу скоруя слути.
...Радуга в поле, как ворота,
В светлы край весны моей стоит.

Шумит зелёный ветер мая,
Вчерашиний след зарос травой.
Девчата, рук не разнимая,
Идут дорожкой полевой.

Тепла дорожка полевая,
Видна, куда ни поверни.
И о разлуке запевая,
О встречах думают они.



Их, как мечты о счастье, манят,
Так дласки и так близки,
Чуть уловимые в тумане
Блуждающие огоньки.

То за рекой, за речкой быстрой,
Там, где чёрмухе цветы,
В-полочном поле трактористы
Спешат зарю с зарей свести.

* * *

Сторона моя родная,
Песня в поле, эхо ли?
Из-за синего Дунай
Гости к нам приехали.

Совершили путь не близкий,
Позабыть нельзя его,
Той венгерской да румынской
Юности хозяева.

За село машины мчатся,
За холмы окрестные,
Где сходили мы, на счастье
Каждый стебель пестуя.

Где гостям из нашей доле,
Что не держим в тайне мы,
Лучше нас расскажет поле,
Тракторы с комбайниами!

За Дунаем будут синиться,
Ясный день предсказывая,
Наша жита и пшеница,
Лыны голубоглазые.

Наши розовые гречи,
Луговины росные,
Наши речи, наши встречи
Ранние и поздние.

Путь открыт, а дружба в сердце—
Верная попугушка.
Жить соседи по-соседски,
По-советски учатся.

Чтоб и на берег Дуна
Гости к нам приехали...
Сторона моя родная,
Песня в поле, эхо ли?



* * *

Что ты ходишь попусту
Через речку по мосту?
Ты пришёл бы по полю
К молодому тополю.

Помнишь, тополь голубой
Посадила мы с тобой,
Посадила, где любили
Свет-заря встречать весной.

Ты сказал: пусть солнце светит,
Пусть луна над ним встёт,
Пусть всё выше тополь этот,
Как любовь наша, растёт.



Что ж ты, милый, хмуриш бровь,
Не находишь нежных слов?
Высоко поднялся тополь,
Перерос твою любовь!

Не ходи ж ты попусту
Через речку по мосту.
А сходи ты по полю
К молодому тополю.



После дождя

Кусты в серебряных серёжках
Стоят, глядят по сторонам,
Где русый дождь на тонких ножках
Перебежал дорогу нам.

И дождь свернулся за речку круто,
В луга, и там исчез из глаз...
И грянула птичий хор, как будто
Он поджидал лишь только нас!

* * *

Чем бы наша модница
В поле не работница?
Да боится, что от солнца
Цвет лица испортится.

Косы могут вылинить,
Брови могут выгореть,
Что ещё случиться может,
Даже и не выговорить!

Встанет утром — мается,
К полдни в тень скрывается,
А домой вернётся с поля —
Гордая красавица.



Выйдет в сарафанчике,
Пальчики в кармашки,
Чтоб подруги удивлялись,
Чтоб валобались мальчики.

Тонко улыбается,
Чуть земли касается,
Неизвестно, как кому,
А себе уж привратил.

Ревят щёчки маковье,
Баскет туфли лаковье,
Почему ж проходит мимо
Девушки, помакивая?

Мальчики колюче
Подмигнут при случае:
Мол, краса такой от солнца
Гибель неминуемая.

Косы могут вылинить,
Брови могут выгореть,
Что ещё случиться может,
Даже и не выговорить!

Гордая красавица
Смотрят, удивляются:
Неужель краса такая
Никому не нравится?

Живописцы и привлекательны берега реки Оне. Сюда находит лодки учителя художественных мастеров. Здесь они делают зарисовки, пишут картины, запечатляя на бумаге и полотне богатые виды русской природы.

Более 35 лет воспитывает молодых художников преподаватель Антонида Петровна Сергеева. Сегодня у неё на занятиях первоначалинки. Она заботливо учит их делать рисунки с натуры и писать акварелью. Преподаватель помогает ученикам наливать форму светотенью на бумаге,



ВЛ. ТОЛСТОЙ

ПУТЬ К ТВОРЧЕСТВУ

В Москве, в одном из переулков Замоскворечья, находится сокровищница русского искусства, Государственная Третьяковская галерея. Как раз напротив неё стоит светлое школьное здание. Это средняя художественная школа № 1.

Об этой школе мечтают ребята в разных концах нашей страны. С восторгом рассказывают о ней и побывавшие здесь гости из Китая и Англии, Индии и Бразилии... Эту рубежную знаменитость не только по расходу средств на строительство Земляки называют «школой чемпионов», но и на конкурсе детского рисунка в Индии — завоевала О. Восконьинец. Она учится в этой школе. Призовом в Италии и Греции

Академия художеств СССР и Государственная Третьяковская галерея — хорошие шефы школы. Её ученики — «сынов люди» в залах Третьяковской. Научные сотрудники галерей проходят с ними занятия.

Многие выпускники школы — заслуженные мастера народного художества, лауреаты Сталинской премии, участники всесоюзных выставок. Среди молодых преподавателей есть таланты воспитанников этой школы. Преподаватели, в свою очередь, рассказывают с ёю юношескими учениками, рассказывают им о своей работе.

Ежегодно в Лаврушинском первом съезде съезжаются множество ребят, мечтающих стать художниками. Пускают в школу лица самых одарённых, дают им возможность, чтобы иметь замечательное начальное образование, но и выделяют серьёзный экзамен по специальности: сделать авангардный рисунок с натуры, выполнить композицию на воде, на бумаге, пера, карандаша, и, наконец, подходит отсюда с аттестатом зрелости, вполне подготовленные к поступлению в высшие художественные, так и в другие вузы.

Летом ученики выезжают на практику: младшие классы — в пионерский лагерь в Поленово, на Оне, а старшие группами, во главе с преподавателями, отправляются в дальние экскурсии по стране.

Другие работают и трудятся ученики художественной школы.

Они понимают, что на их долю выпала счастье жить и творить в величайшую эпоху построения коммунизма.

фото Г. Борисова



В руках Андрея Красулина кусок зеленоватой глины быстро оживает. Ловкие пальцы придают глине нужную форму: появляется голова торса, ноги. Всё формируется на определённый поворот, лицо — выражение... Андрей упорно трудится над скульптурой, творчески, с одухотворением, как в тех работах ученика 7-го класса Веской комсомолки Красулини, завершающим школу. Он мечтает стать скульптором.



Художественные студии посещают ученики, скульпторы передают ученикам личный опыт, учителями в школе побывали выдающиеся мастера, профессор Ф. А.



одну - ча-
сивописи-
и много-
рьсяются
Недавно
вого ин-
Сурикова
ов.

Стены больших и светлых коридоров школы увешаны лучшими картинами и рисунками учащихся, выставлены на выставки устремлены скульптурами. Школьников интересуют самобытные способности темы и работы кружка юных кораблестроителей, и весенние развлечения ребят, и изображение тяжелый труд кузнеца и мотыни, навеянные художественными пропагандистскими. Учащиеся вдумываются, вникаются в национальную тему и любопытно разрабатывают ее.

На этом развороте (сверху и справа) изображены некоторые произведения учащихся художественной школы.

ЯЗЫК ВЕЛИКОГО НАРОДА

ПИСЬМА ИЗ-ЗА РУБЕЖА



Китай. В магазине русской книги.

Мы, группа китайских рабочих, членов Общества китайско-советской дружбы, решили приступить к изучению русского языка, чтобы видеть большую культурную связь между нашими странами, чтобы перенимать ваш передовой опыт, чтобы строить нашу родину и служить народу Китая. Мы хотим помочь Китай и нашей общей земле — коммунизму. На нашем заводе многие товарищи начали энергично заниматься изучением русского языка. Они решают, как можно быстрее научиться правильной читать и говорить по-русски.

По поручению товарищей
Сюй Цзычуня,
г. Лючжоу (Китай).

Каждый день в 10 часов 30 минут вечера в городе Кантоне на самолёте Китая я сажусь под машиной пальмой, стоящей на окне моего дома, и слушаю чудесные радиопередачи братского Советского Союза. С многою они дают нам интересную информацию о будущем Китая. Я часто провожаю себя Москвой в её теплешнем восхищении убором.

Когда я знал, что я ешё совершенно недостаточно знал русский язык!

Но я уверен, что смогу добиться больших успехов в изучении русского языка. Я считаю, что изучение русского языка — это путь к овладению необходимым оружием для изучения опыта нашего великого друга — Советского Союза. Поэтому я твёрдо решил, что буду свободен от работы упорно изучать русский язык.

Гуань Чэнчэнь.
г. Кантон (Китай).

Давно я собирался изучать русский язык. Сейчас я особенно доволен тем, что эта возможность мне предоставлена. «Русским», конечно же, не являются лётчики моряков, поэтому требуется много упорства при его изучении. Почему я изучаю русский язык? Я хочу читать и писать на русском языке. Я хочу наслаждаться чтением советских книг. Я учусь упорно и настойчиво. Могут быть, мне посчастливится освоить язык. Правда, я знаю, что Сталинские труды подняты на высоту мышления.

Хайнц Эберт из Ризы (Германська Демократическая Республика).



Трудящиеся Чехословакии с любовью изучают русский язык.

Я очень интересуюсь русским языком. Это постоянно очень богатый и гибкий язык, один из важнейших в мире. Это язык великого народа.

Гено из Диокона (Франция).

В Западной Германии тоже возрастает интерес к русскому языку. Ни один другой язык не вызывает в последние годы такой симпатии и уважения, как русский язык. Его изучают даже самые понимающие люди. Большая часть немцев понимает всё яснее, что нашим настоящим самым верным другом является русский народ.

Курт Поллинг (Западная Германия).

Вы, может быть, спросите, почему с такой страстью изучают русский язык. Я могу объяснить причину. Я сам испытываю большое симпатию и к русскому народу, и к России, и к великой столице, к русской музыке, literature, кинофильмам. Поэтому я считаю, что мы своим долгом изучать язык великого народа.

Луиджи Бартолетто (Италия).

В этом письме я хочу выразить свою любовь и симпатию к вам, которые 23 августа 1944 года против нас армия фашистов рушила и освободила нашу страну от фашистской оккупации. В бургундской Румынии рабочий класс и женщины, мужчины, дети, старые люди, инвалиды, прадеды, боролись за свободу и независимость Румынии. После 23 августа 1944 года жизнь изменилась. Женщины теперь пользуются равными правами с мужчиной и активно участвуют в построении социализма. Десятки тысяч женщин занялись санитарной работой, разгаряющей на вечерних курсах, изучают русский язык, язык великого русского народа.

Хобя Мелания,
г. Оради (Румыния).



На Советского Союза самолёт доставил в Софиjsкий аэропорт газеты и журналы.

Трудящиеся Народной Республики Болгарии с большим интересом следят за развитием Советского Союза, за его героической Коммунистической партии и великим Сталином.

Они горячо любят язык своего освободителя — Ленина и Сталина. Трудящиеся Болгарии единогласно признаются, что они знакомятся с великими идеями социализма и коммунизма.

В этом году число учащихся на курсах по изучению русского языка намного возросло. В нашем округе открыты 240 курсов для начинающих и 58 для продолжающих учебу. Для открытия курсов организованы как праздники. В Минирине по случаю начала учебного года было проведено торжественное общегородское мероприятие.

Трудящиеся с любовью изучают язык братского русского народа, язык Ленина и Сталина. Учительница Валентина Георгиева из города Каравана, Айтосского уезда, который в прошлом году заняла первый курс русского языка, сейчас занята на втором курсе и упорно продолжает изучение языка. Её мечтой является способность читать и писать на русском языке. Она хочет продолжить учёбу, чтобы потом я мог читать советские книги и разговаривать по-русски, переписываться с сопроводительницами социализма, коммунизма.

Христо Вълчанов,
г. Бургас (Болгария).

РЯДОМ ШАГАЕТ НОВЫЙ КИТАЙ

Рядом с могучим Советским Союзом плечом к плечу шагает Новый Китай — великая страна, сбросившая путы рабства и угнетения и ставшая на путь строительства счастливой жизни.

Прошло всего несколько лет с того дня, когда была провозглашена Китайская Народная Республика. Но за это время трудащиеся Китая, руководимые коммунистической партией, её вождём Мао Цзэдуном, при братской помощи СССР достигли колоссальных успехов.

Закончив восстановление хозяйства, народ приступил к крупному индустриальному строительству, к широкой индустриализации страны. 1953 год — первый год первой китайской пятилетки.

Мы должны взять такие же высокие темпы индустриализации, как в Советском Союзе и странах народной демократии, — говорят люди Китая.

Они уверены в том, что планы, которые ныне составляются Центральным Народным правительством, будут успешно осуществлены. Это подтверждает сама жизнь, живые факты.

Снова варится сталь в мартенсовых восстановленных Альяньевских комбинатах. Растил добыва уголь на шахтах Восточного Китая. Воздвигнуты мощные гидротехнические сооружения в реках Янцзы и Хуанхе. Протянулись линии электропередач. В тех местах, где раньше почты не было, дороги разделяли парковосные гудки.

На территории с сельским населением около 450 миллионов человек завершена великая аграрная реформа.

Когда крестьяне Китая, получившие большой урожай, хотят выразить свою радость, они говорят: «Гу маи тунь, дао маи цай» — что по-русски означает: «Эзкрома ломится от зерна». Этую фразу впервые после долгих лет можно было услышать в прошлом, 1952 году.

Тридцать пять миллионов крестьянских дворов организованы в brigades трудовой взаимопомощи и производственных сельскохозяйственных кооперативов.

Китай строится! И в этом ему помогает Советский Союз. Дружба народов СССР и Китая крепнет с каждым днём. Силы, рожденные этой дружбой, безграничны, неисчерпаемы, непобедимы!

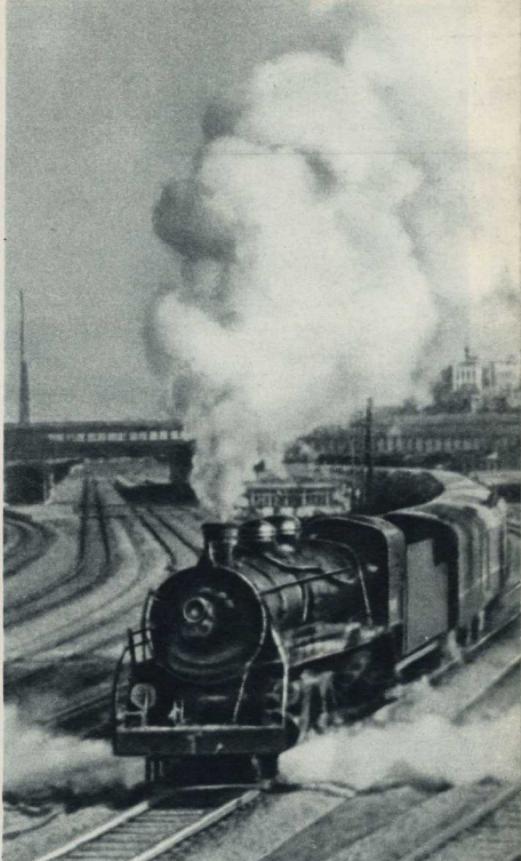




Рабочий пекинской электростанции Шицзюйчэн - Дун Да-чунь (в се-редине) показывает другим рабочим и его заместителю о своем рационализаторском предложении. После внедрения этого предложения производительность угледробилки повысилась в девять раз.



Дети Нового Китая. Ясли при фабрике хлопчатобумажной промышленности в Ханьнуо.



На стальных путях Китая.

На полях республики появился новые сельскохозяйственные машины.



Это новая плотина на Хуайхэ. Она во-дит в систему гидроэнергетического со-оружений, построенных за последние годы на великой реке.





Доктор технических наук Владимир Болотин.

В актовом зале Московского ордена Ленина института инженеров железнодорожного транспорта многогодно: сегодня здесь состоится защита докторской диссертации Владимира Васильевичем Болотиным. Многим присутствующим в этом зале известно, что претенденту на звание доктора технических наук неоднократно исполнилось двадцать шесть лет.

И всё же говорят удивления, как ветерок, пробегает по залу, когда Владимир Болотин появляется на кафедре: совсем мальчишеское лицо, порозовевшее от смущения щёки, комсомольский значок на форменным кителе железнодорожника.

Он начинает говорить сначала несколько смущенно, но уже через минуту от смущения не остаётся и следа. Уверенно и чётко звучат тезисы докторской диссертации, сложнейшие формулы возникают на освещённом экране. Убийственные седины учёные с вниманием вслушиваются в слова своего юного коллеги.

Среди слушателей — заслуженный деятель науки и техники, профессор, генерал-директор Иван Петрович Прокофьев. Полявка низад окончил он этот институт. Владимир Болотин — двадцать четвёртый доктор наук, вышедший из числа его учеников.

— Талант, а? — шепчет сосед Прокофьев, наклонясь к Ивану Петровичу.

Иван Петрович неодобрительно хмурится:

- А что такое, по-вашему, талант?..
- У Болотина поразительные способности...
- Но талант — это труд...

Трудно сказать, что больше восхищало товарищей Володи Болотина на школе: его необыкновенная память или его необыкновенная усидчивость.

Во времена войны, находясь в эвакуации, мальчик потерял возможность посещать школу уже после седьмого класса. Но он не отступил перед трудностями. Год напряжённой, упорной учёбы — и Володя сдаёт экзамены за десятилетку экстерном. Это была первая победа.

... В Москве, на улице Образцова, высится здание Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Из его светлых аудиторий, лабораторий, оснащённых по последнему слову техники, вышли тысячи инженеров-железнодорожников, которых ныне прокладываются стальные магистрали, пробивают тоннели, управляют сотнями поездов, строят мосты через реки...

В этом институте на факультете «Мосты и тоннели» стал учиться Владимир Болотин. Он прислеживал профессоров, старательно перечитывал учебники. Но он не был начётчиком. Живая, творческая мысль рвалась к самостоятельным поискам, и рядом с формулой из учебника возникло кружило новых сложнейших формул, написанных горопицкой рукой студента.

— Это зачем? — спрашивали товарищи.

— Пригодится.

— Тебе пригодится?

— И мне и... науке, — отвечал Владимир и добавлял с улыбкой: — Ведь наука, которую мы изучаем, моложе нас самих!

... В начале второй мировой войны в Соединённых Штатах Америки над заливом Тихом — Неруос был построен высокий мост. Газеты хвастливо кричали о «прекордных» пролётах этого моста, о «чудесах» американской техники.

А рабочие, обслуживавшие мост, с ужасом наблюдали, как при сильном ветре прогибалась и раскачивалась огромные металлические фермы, как разбивались осветительные фонари, стягиваясь друг о друга... И через некоторое время произошла катастрофа: мост рухнул. Такая же судьба постигла и некоторые другие «чудеса» американской техники.

Об этих событиях говорили и в стенах Московского института инженеров железнодорожного транспорта.

— Безграмотные авантюристы — эти конструкции «американских чудес!» — брезгливо смотрелись профессор Прокофьев, беседуя со студентами, работающими в научном кружке. — Ради рекламы ставят «прекорды», а в расчётах полнейшие мифрофразушки...

Потом профессор начинял проверку работ членов научного кружка.

Взяв в руки тетрадь Болотина, он улыбался:

— Прекрасно! Расчёты сделаны точно и оригинально...

Защитив с отличием диплом, Владимир Болотин стал аспирантом. Под руководством Ивана Петровича Прокофьева он работал над проблемой динамической устойчивости сооружений.

Это почти неизведанная область в науке. Требовалось разработать стройную научную теорию, которая позволила бы при расчётах самых сложных конструкций на вибрационную нагрузку заранее предказать размеры колебаний. Это совершение необходимо при проектировании и строительстве мостов, быстроходных

ТАЛАНТ

Фото Г. Борисова.

двигателей, компрессоров, механизмов. Советские учёные здесь, в этой совсем юной отрасли науки, остались далеко позади зарубежных учёных.

Для развития этой науки много сделал молодой учёный, комсомолец Владимир Васильевич Болотин. В 1950 году, проручившись в аспирантуре всего лишь полгода года, он защитил кандидатскую диссертацию. В июне 1952 года он с успехом защищает докторскую диссертацию.

Многие удивлялись:

— Как можно за полтора года создать такой глубокий, новаторски смелый научный труд?

Подобные вопросы доктор технических наук Болотин высказывает с улыбкой. Полтора года? Нет. Ещё тогда, на студенческой скамье, в занятиях научного кружка, рождалась его диссертация. И многие из формул, торопливой рукой набросанные на полях конспекта лекций, легли в основу его научного труда.

Бесспорно, молодой учёный обладает незаурядными способностями.

Но главное — его умение трудиться, трудиться упорно, настойчиво, ни в один день не прервавши учебы.

Работая над диссертацией, Владимир Болотин почувствовал, что его математических знаний уже недостаточно. Он отложил диссертацию до тех пор, пока не овладел новыми, специальными разделами высшей математики. А сколько напряжённых часов провёл он в институтской лаборатории, придумочно и тщательно проверяя на опыте результаты своих вычислений!

...Идёт лекция. На кафедре — доктор технических наук, инженер-майор Владимир Васильевич Болотин. Он читает курс «Сопротивление материалов».

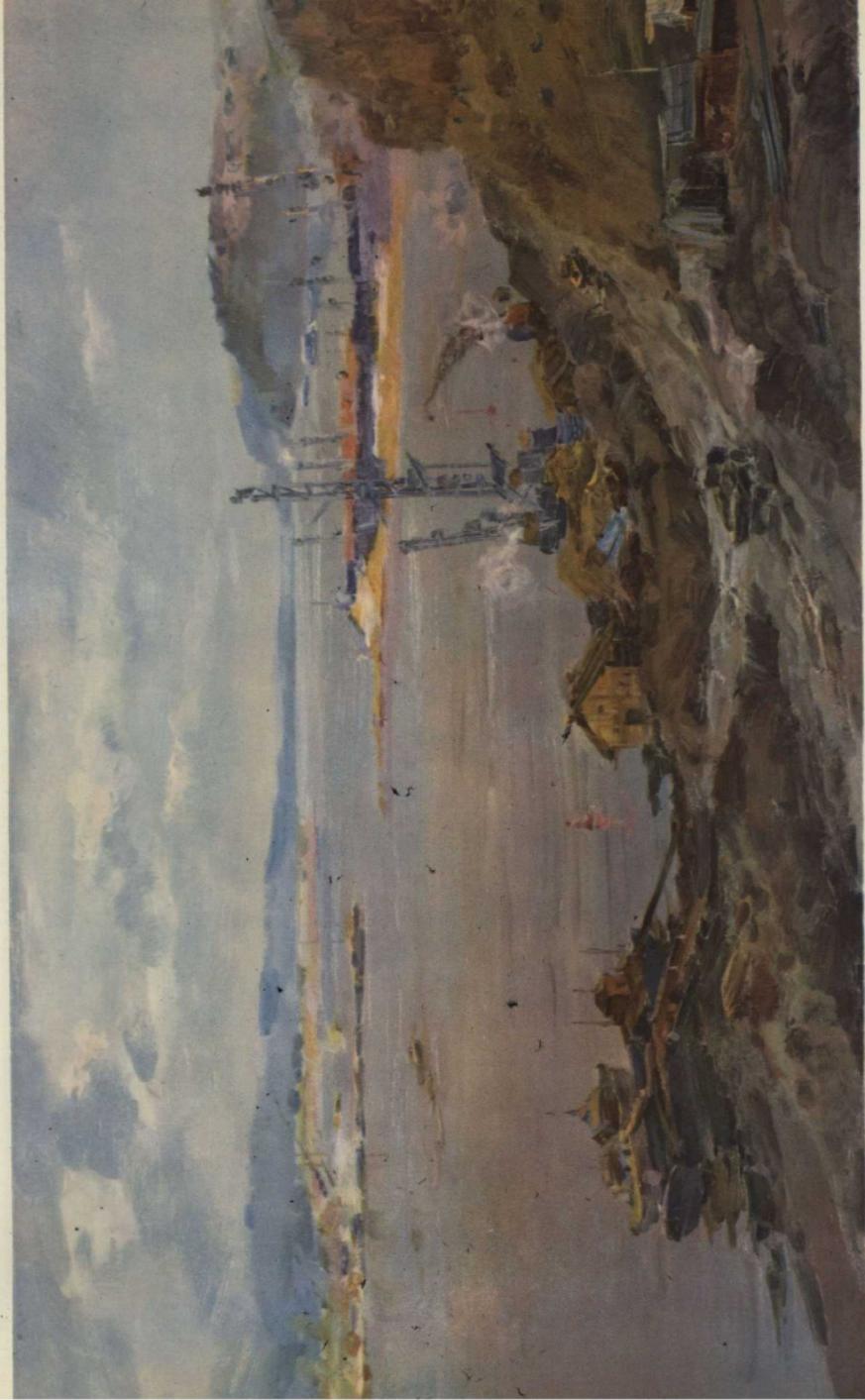
Студенты любят лекции Болотина, с особой тщательностью готовятся к экзаменам по его предмету.

Владимир Васильевич строг. Он приучает будущих специалистов к упорству в овладении знаниями, к труду.

За столами в аудитории — десятки студентов. Русские, белорусы, узбеки, корейцы, румыны... Многие из них хотят стать учёными. Многие из них уже обнаружили недюжинные способности. Но только тот достигнет вершин в науке, кто готов самоотверженно труиться.

А. ЕВСЕЕВ





Это — Джим

Рассказ

В Миннесоте стоят августовские дни, но в воздухе уже чувствуется сентябрь. Гляди на сверкающие просторы полей, на лёгкое колыхание хлебов, я уже не думал ни о заглохшем моторе моего автомобиля, ни о том, что я должна засвистеть добратся до Голубой Земли.

Я залибовалась этой щедрой, плодородной землёй. Совершенно неожиданно у обочин остановилась машина, нагруженная железным ломом. Из кабинки вылезнула добродушная лицо шоферя.

— Авария? — осведомился он.

— Да, — ответила я. — Вы не смогли бы помочь мне добраться до соседнего города? Я надеюсь привезти оттуда механика, чтобы он попробовал починить эту развалину. Видите, её невозможно даже сдвинуть с места!

— Садитесь, — сказала она, распахивая дверцу. — Ольгинская погода, не правда ли? Чёрт бы поборал всю эту болотную Калифорнию и Флориду! Я лично ни на что не променяла бы нашу добрую Миннесоту. Конечно, бывает, иногда в январе, когда начинает дуть этот проклятый северо-запад, разметающий о зелени, и тянет удара на время в Майами — передать, пока уймётся непогода. — Он сплюнул в оконко.

— Всё время продолжается, — заговорила снова шоферя, — се-ны на железный лом, рас-тут — от двадцати до тридца-ти долларов за тонну... Кто знает, может, и мне повезёт...

— И вы думаете, что на этом стоит зарабатывать?

— На чём?

— На чём?

Лёгкая тень смущения на-бежала на добродушное лицо шоферя.

— Я, как и все наши ребята, против войны, — сказала он. — Но каждый не прочь подзаработать на ней. Бога-чи... эти заколачивают во-всю. Я смотрю на это дело так: одним удаётся, другим нет. Но пока они вояют, по-чому бы и мне не урвать свободы?

Старый «форд» отчаянно громыхал по просёлочной дороге.

— Одним удаётся, другим нет... — повторил шофер. Вдруг он неожиданно нажал на тормоз, и машина резко остановилась.

— Боже мой! — воскликнула шоферя. — Какое богатство пропадает!

Мы остановились возле небольшой фермы. Запущенный участок заметно выделялся среди чистально обработанных полей и аккуратных форм, попадавшихся на нашем пути.

Два окна дома, выкрашенного в неизменные времена, скорбно смотрели на двор. Шофер внимательно разглядывала покрытый ржавчиной трактор, который стоял посередине двора.

— Бьюсь об заклад, — вос-

клинула она, — здесь пропадает, по крайней мере, три тонны металла, а может, и все четыре! Послушайте, а что, если я зайду сюда на несколько минут и уговорю хозяев продать эту руху? Я вас задержу недолго. Это займёт совсем немного времени.

— Конечно, — ответила я. — Идите. Вы не будете против, если и я зайду вместе с вами?

— Пойдёмте, — сказала она. — Я вам покажу, как просто в наши дни делаются доллары...

Мы вошли во двор, и я следом за ним направилась прямо к трактору, который он продолжал разглядывать с интересом и восхищением. Такой мой отец, скунщик скота, осматривал в свой время племенных быков.

Неожиданно мы оба оглянулись и увидели, что нас смотрят фермер. Это был худой, измождённый человек, скрюченный ревматизмом. Он не задавал никаких вопросов и как будто не проявлял к нам никакого интереса. Взгляд его печально-

ных серых глаз, казалось, давным-давно угас.

— У вас здесь куча железного лома, — сказал шофер, ослабившиесь. — Вы можете за него кое-что получити... мистер... Все заботы о буре... Себе. Мы очень хотим ваш двор. Это прекрасно, наверно, стоит здесь без употребления уже первого гол?

На нём работал мой сын Джим, — вдохновленный фермер. — Это было до того, как его забрали на войну.

— Вот как? Очень жаль, что машина оставалась у вас без присмотра под открытым небом. Теперь чёрт знает, это не большие, как куча железного лома. Это никак не годится. Я заберу у вас эти хлам, а заодно и вон тот старый плуг, который ржавеет в поле.

— Пуста ржавеет, — сказала старая.

— Пуста ржавеет — воскликнула шофер с неподдельным изумлением. — Вы понимаете, что вы говорите, мистер? Война, а у вас бесценный металл пропадает в поле. Мы воюем. А вам известно, что для войны нужны пушки: солдаты не могут стрелять в жалобными без патронов. А патроны делаются из металла...

Пуста ржавеет — уныло повторяла старая, давая понять, что разговор окончен. Однако упрямый шофер не унимался.

— Вы не платите, мистер... — назойливо твердила он.

Я отвернулась, сгорая отстыда.

Желая показать, что не имею к этому человеку никакого отношения, я направилась к дому. Возле небольшого загона и натянуты на старого бородатого козла. Полный сознания собственного достоинства, бородач пригласил оглядывать меня с дружелюбным любопытством.

И только потом я заметила стоявшую неподалёку женщину. Она была такой же измождённой и худой, как и её муж. В глубоком запахах глазах застыла та же безнадёжность.

Это альбинос Джим. — сказала женщина. — Джим был совсем маленьчиком, когда мы купили этого козла. Когда Джим уходил в школу, он всегда увозился за мальчиком. Нам приходилось запирать козла в хлев. Джим обожал его.

Я улыбнулась, представив себе, как этот бородатый козёл привождет Джима в школу.

В этой картине было что-то трогательное и комическое. Мне казалось, что именно так рассказывает об этом история. Но она не умолялась.

— У вас есть сын? — равнодушно спросила она после небольшой паузы. В голосе её не прозвучал никакого любопытства.

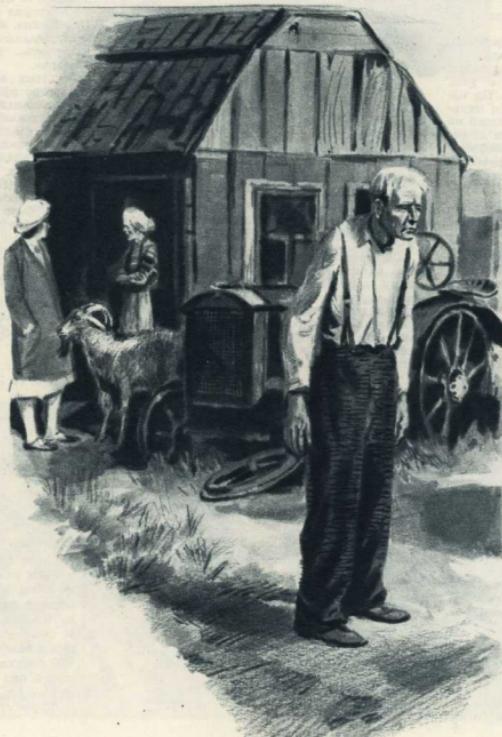


Рисунок Г. Балашова.

— Да, — ответила я и снова улыбнулась, потому что не могла без улыбки думать о темноволосой красивой голове сына, его стройной юношеской фигуре, улыбке, которая так напоминала его отца... Как и все матери, я бережно храни в своем сердце воспоминания о моем ребёнке с момента его рождения. Она точно альбом, в котором я бережно переворачиваю страницу за страницей.

— Сколько ему? — спросила женщина.

— В ноябрь будет четырнадцать.
— Скоро он станет достаточно взрослым, чтобы умереть.

Её взгляд никаким не изменился, в её глазах не промелькнуло и тени теплоты, но мне показалось, что она смотрит на меня с жалостью и сочувствием. Эта женщина внушила мне страх. Словно ледяным дыханием, пахнуло от неё на моего маленького.

Что прорвало паутину, програждавшую путь потому слов, камнем давивших её драматическое время?

Может быть, это сделала любовь, сверкавшая в её глазах, когда она спросила о моём ребёнке.

Что убедило её в том, что и мне поистине безграничной радостью и глубокая печаль матери, вырастившей сына в эти страшные годы?

Может быть, улыбка, промелькнувшей на моём лице, когда она напомнила мне о моём любимом мальчике.

— Пойдёмте, — сказала она.

Я вошла в дом следом за ней. Здесь полагалась только как на заброшенном чердаке. На вёслах окружавшем меня лежали тот же отпечаток запущенности.

Комната, в которой жили старики, хранила воспоминания об их сыне.

Всё, начиная с одноглазого игрушечного медвежонка, лежащего возле зеркала на старомодном буфете, и кончая велосипедом, прислонённым к стене, говорило о нём. На стене висели детские рисунки. На одном из них было неплохо изображено малышка в шапочке с помпоном, лежащим на санках с горы, на другом — осенняя астра. Угол вальзал был для игр в бэзбол, боксерские перчатки, покрышки футбольного мяча и трехколёсный сломанный велосипед. Экспонатами этого трагического музея рождалось страшное ощущение.

Женщина достала семейный альбом и принялась перелистывать его своими художественными пальцами.

Но её лице не было горя, асфекии и поначалу удалилось, какой обычно вспоминают те, всегда ушедших дорогих людях и о счастливом прошлом, связанном с ними. Женщина не улыбалась. Альбом не пробуждал в ней ни радости, ни печали, ни светлых воспоминаний.

— Это Джим, — сказала она.

Передо мной была фотография здоровой,

энергичной женщины лет сорока с ребёнком на руках. Лицо её сияло гордостью. Её взглянула на мою собеседницу. Энергичная, здоровая женщина на фотографии и изможденная старуха, сидящая рядом со мной, не имели между собой ничего общего.

— Когда он родился, мне было сорок два года, а мужу — пятьдесят. Мы уже и не ждались, что у нас будет ребёнок. Он появился у нас, как чудо.

Бессчисленные снимки — маленький Джим на четвереньках, первые шаги Джима, Джим, изнуревшийся, стоящий возле стула, чтобы учить сына ходить, отец учил сына ходить... — все эти фотографии говорили о той гордости и радости, которую внёс с собой ребёнок в нашу жизнь. Женщина перевернула ещё одну страницу.

— И это Джим, — сказала она.

На фотографии был снят подросток, только что окончивший среднюю школу. Открытое, умное лицо, посыпанное улыбкой, широко раскрытыые глаза, взгляд вонючки, преисполненный любви и восхищения к окружающему его миру.

Он был лучшим учеником, — сказала Мать-Лучшини во всей школе.

Потом она стала показывать мне другие фотографии.

Джим на тракторе, Джим гладит козы-ка, Джим кормит свиней, Джим, благовечно склонившийся над ростками ржи. Около сотни фотографий, на которых был любовно запечатлён Джим.

Женщина перевернула страницу, и её пальцы, крепко сжимавшие лист бумаги, задрожали.

— Это Джим, — сказала она и глубоко вздохнула.

Я поняла, что это их любимая фотография. В центре страницы была большая синева Джима в форме студента — выпускника социального факультета университета Миннесотского университета.

И хлынула безудержный поток слов:

— Он поехал на практику. У него было разработано множество способов, как увеличить урожай. Он говорил, что стебель должен быть не таким длинным, а вдвое короче. Тогда зерно будет крупнее и сладче. Самое главное, уверял он, — это научиться переключать силу роста со стебля на колос. Он знал, как предохранять пшеницу от ржавчины и яблони от корошки. Он, бывало, выедет на тракторе в поле и пытается. А я смотрю в окно, радостно и не могу видеть, как он труится на поле под солнцем, пытается и мечтает о лучшем жизни.

Он вечно обдумывал какие-нибудь новые планины. Фермеры всегда приезжали к нему за советами. Он придумывал специальный корм для свиней. На листьях ярмарке землякам даёт это первый приз в чистоте. Тогда (это было за год до его ухода на войну) он собрал всех фермеров и рассказал им, как надо смешивать корм, чтобы лучше откармливать свиней. Он постоянно сле-

дила за участками соседей, как за своим собственным. Джим говорил, что люблю всё живое... Когда он в сорок пятом вернулся с войны, для нас это был большой праздник.

Все были счастливы, что Джим вернулся. Он опять мог помогать фермерам бороться с ржавчиной и засухой, добиваться лучшей жизни. В последние годы отца мучила ревматизм, и он не мог больше заниматься хозяйством, ферма стала разваливаться. И вот как раз в это время вернулся Джим. Это был самый счастливый день в нашей жизни.

• • •

— Он вернулся? — спросила я.

— Вернулся. Но потом его снова взяли. В резервы. Как только началась война в Корее, его отправили туда. Лётчиком... Он не хотел ехать. Он не хотела больше смыть войной. Он говорил, что не может убивать людей и сбрасывать бомбы на мирные крестьянские дома. «Это бессмыслица, — говорил он... Эти люди не являются нашим никакого вреда...» Он говорил, что есть много таких вещей, о которых мы ничего не знаем. И мы не имеем права сознать ног в дела других народов.

Глаза женщины были удивлёнными в пространство.

— Я помню день его отъезда, — продолжила она. — Накануне он испахал весь земляк и наизнанку человека, чтобы тот засеялся ей, потому что отец был болен. Джим стоял под зеем, у порога, возле открытых дверей. Была весна. Пахло свежестью. Свежая земля весной пахнет особенно хорошо.

«Я не убийца», — сказала Джим. — Я не убийца. Я не хочу убивать... Снова и снова повторяла он эти слова. — Эта война бесмысленна. Я не хочу убивать. Если бы они посыпали меня что-нибудь строить, выращивать... А убивать я не хочу. Я не убийца.

От этих слов в моё сердце закрались страшные предчувствия, от которого волосы на шее вились на голове и кровь застыла в венах. Снова и снова он повторяла эти слова, мне делалось всё страшнее и страшнее.

Неожиданно дверь спальни распахнулась и на пороге появилась страшный, расстегнувшийся человек с бесцветно раскрытым ртом и блуждающими глазами. Может быть, он был молод. Но безумие так преобразило весь его облик, что невозможно было определить ни пола, ни возраста. В этом отталкивающем существе не осталось ничего человеческого.

Ужас застыл на моём лице.

Женщина осторожно закрыла альбом, положила его на полку и, опустив голову, тихо сказала:

— Это — Джим.

Перевод с английского
Ф. ЛУРЬЕ.

СЕ МАН ИР

Мост

Если бомба опять
в этот мост попадёт,
наши бесстрашный народ
снова мост возведёт.

Если трижды за сутки
пробомбит с высоты,
трижды
новые встанут мосты.

Бот старик,
пот с лица вытирая рукой,

говорят, выпрямляясь
над бурной рекой:

«Если б спину свою
мостом сделать я мог,
поперёк этой речки
немедленно б лёг,
чтоб солдаты —
защитники нашей земли —
поскорее
к победе пришли!»

И слова эти
мостом незримым встают,
по которому к миру
народы идут.

И нет бури такой,
и нет бомбы такой,
что смогут б уничтожить
мосты над рекой.

Перевод с корейского
В. ЖУРАВЛЕВ.

ФРАНСИСКО ГОИЯ

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Всемирный испанский художник Гойя жил и работал в один из самых бурных периодов истории Испании — в XVIII—XIX веках. Это было время героической борьбы испанского народа с интеграционистскими подчленами Наполеона, время первой (1808—1812 годы) и второй (1820—1823 годы) буржуазных революций в Испании.

Современник этих событий, Гойя воплотил в своих произведениях трагическую судьбу испанского народа, его неизжитаемую жизненную силу и величие.

Франсиско Хосе де Гойя родился 30 марта 1746 года в деревне Фуншетодос, близ Сарагосы, в семье ремесленника. Живописи он начал уиться с четырнадцати лет у сарагосского художника Мартинеса. Дважды контуженный юноша Гойя, спасавшийся от преследований инквизиции, бежит в Мадрид, а затем в Италию, где находитася до 1771 года.

Классическое итальянское искусство осталось ему душевным. Учителями художника были, по его словам, Веласкес, Рембрандт и природа.

Широкую известность принесли Гойе эскизы для шпалер королевской мануфактуры (1776—1791 годы).

Художник запечатлев в них сценки из народной жизни, сбор урожая, сцены из быта, исторические эпизоды. Построенные на сочетании нежных, светлых, радостных тонов, эти картины полны красочности, пронизнуты беззаботным настроением. В них Гойя изображает жизнь народа еще несбражимо односторонне.

Углубление мировоззрения Гойя, роже его критического отношения к действительности начинается с 90-х годов XVIII века. Этому способствовала политическая обстановка в стране.

В то время, когда во Франции бушевала революционная буря, Испания оставалась одной из самых отсталых стран Западной Европы. Правящие реакционные си-



Автопортрет из «Капричос».

лы — дворянство и католическое духовенство — нещадно грабили и эксплуатировали народные массы, отрывали их яdom религиозных предрассудков.

Передовые люди страны, вдохновленные примером революционной Франции, боролись против феодально-католической реакции. Гойя остался в стороне от этой борьбы.

В 1793—1803 годах художник создает свою знаменитую графическую серию «Капричос» — восемьдесят офортов с аллегорическими подписями. В фантастической, гротескной форме «Капричос» бичева-

ли язымы феодально-абсолютистского строя Испании. Построенные на контрастах чёрного и белого цветов, динамичные по своей композиции, офорты Гойи предельно лаконичны и выразительны.

Гойя поддерживал парламент, неизжестимость представителей господствующих классов. То это тучные ослы, взгромоздившиеся на плечи испанского народа, то безобразные «ленивицы» — уроды с закрытыми глазами и замками на ушах, которых кормят с ложки. Попы остроты антиклерикальные сатиры художника. Гойя высмеивает суеверие в своей гравюре

«Что может сделать портной?». Толпа склонилась перед уродливой, надвигающейся на неё фигурай монаха. Но, если взглянуть, это всего-найского риска, напяленная на засыхающее дерево.

Инквизиция поняла остроту сатирического языка Гойи и начала преследовать художника. Тогда Гойя попал на заточение. Он, воспользовавшись своим положением придворного художника, преподнес оттиски гравюр королю. Тот не разобрался в их зашифрованном, аллегорическом содержании и приказал издать всю серию.

Гойя становится молчальным портретистом. Но свое отношение к социальному официальным портретам он наимешшим образом выразил в одном из листов «Капричос»: маленькая обезьянка старательно рисует портрет важного осла.

Портрет не совсем похож: если на бумаге изображает птицу лымянину грифа.

Замечательный групповой портрет многочисленной испанской семьи (1800 год), — во существу, скрытая сатира, так как Гойя сумел показать в нём духовное ничтожество и физическое выражение правящей верхушки.

Страстно ненавидя силы реакции, художник противопоставляет им в своем творчестве стремление к жизни и утверждению своего научна. Гойя пишет ряд портретов своих передовых современников. Эти произведения сделаны с подлинным мастерством и владением. Самый выдающийся из них — портрет Гильермаб, французского посла, в прошлом члена Конвента, которого оказалось прият испанский король. Сам факт создания этого портрета является вызовом, брошенным художником феодальному Испании.

С особенной силой проявилось дарование Гойи во время героической борьбы испанского народа с французской интервенцией. Художник был свидетелем восстания 1808 года в Мадриде, жестоко подавленного французами. Он пи-

Гравюра «Они вне себя» из серии «Бедствия войны».



«Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев».



шет картины, одну из самых потрясающих по своему драматизму в истории мировой живописи, — «Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев». Под ночным небом на фоне спящего Мадрида разыгрывается человеческая трагедия. Зловещий желтоватый свет фонаря вырывается из темноты группы плененных повстанцев. Белоснежная шеренга солдат направлена на них ружьем. Изображение предельно напряженный момент перед залпом. Суровая правда этой картины вызывает ненависть к врагу, веру в силы народа. Недаром она пользовалась живой откликом у бойцов Народного фронта в годы героической борьбы испанского народа с фашинизмом.

В годы герильи — народной партизанской войны с французскими захватчиками — художник создает графическую серию «Бедствия войны» (1810—1820 годы). Это произведение — вершина реализтического мастерства Гойи. Оно написано кровью сердца большого художника-патриота.

Гойя в этой серии отобразил свою личную впечатление от поездки по стране и посещения в первые между двумя осадами родной геройской Сарагосы. «Так было», «Я это видел», «И это тоже», «Какое мужество!» — сквозь и скруто подпись на свои произведения.

Однако война для Гойи не только народная трагедия, но и «незабываемое зрелище живущих народов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. X, стр. 724).

Трайдан веря в то, что ни смерть ни голова, ни виновные не сломят свободолюбивого духа испанского народа, составляет пафос серии «Бедствия войны». Её актуальность — в показе геройского народного сопротивления иностранным захватчикам.

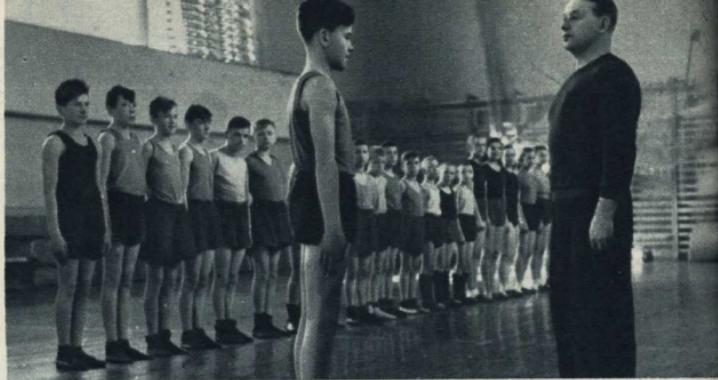
Остовом свою независимость, испанский народ попал в тиски новой феодальной реакции. Первая и вторая буржуазные революции в Испании были разгромлены. Гойя гневно клейми разгул реакции в своих последующих произведениях, реальный, политический смысл которых был тщательно зашифрован художником. И в эти тяжелые годы он погруженно был полон иенесиским творческой энергии.

Гойя внесут в себя прекрасные образы людей народа. Он создает яркие полотна: «Кузнецы» (1819 год), «Водоносы» (1820 год) и другие.

Жизнь Гойя в обстановке королевского дворца была невыносимой. Под предлогом лечения художник уезжал в 1824 году во Францию и обосновывался в Бордо — центре передовой испанской эмиграции. До конца своей жизни, совсем глухой, почти слепой, художник продолжает плодотворно работать. 16 апреля 1828 года Гойя скончался.

В нашей стране жизнеутверждающее, геройское по духу творчество Гойи, одного из основоположников европейского реализтического искусства, всегда пользовалось заслуженной известностью. В. В. Стасов писал, что «...со стороны мыслы, естественности, глубокой мысли, горючего чувства, национальности и историчности, Гойи... лучший и высший художник конца XVIII и начала XIX веков».

Т. КАПТЕРЕВА,
кандидат искусствоведческих наук



АКРОБАТЫ

Фотоочерк М. БОТАШЕВА

Акробаты...

С этим словом в народе связано представление о ловких, бесстрашных, сильных людях. Кто не действует не пробовал на лужайке, на песке, у реки кувыркаться, стоять на голове, на руках, прыгать в воду, переворачиваясь в воздухе, вызывая единодушное одобрение сверстников!

Огромной популярностью пользуется акробатика в нашей стране.

Мысли юношей и девушек с увлечением занимаются этим мужественным, красивым видом спорта.

Разнообразные и интересные тренировки акробатов.

1) Вот старший тренер секции спортивного общества «Дружба» Советского мастера спорта Владимира Леонова вошел в зал, староста группы подал команду «Смирно!» и отдал рапорт.

Члены секции готовы к тренировке.

В начале урока необходимо тщательно разогреться, подготовить организм к работе, чтобы не потянуть мышцы при резких движении, не порвать связок.

Юноши и девушки, иди друг за другом по залу, проделяют различные упражнения, постепенно ускоряя темп.

Тренер стоит в центре зала и внимательно следит за каждым.

Все упражнения должны выполняться точно, без излишнего напряжения.

Затем спортсмены разбиваются на небольшие группы и приступают к изучению акробатических приемов, комплексов, которые входят в программу соревнований.

2) Члены секции страны мастер спорта Владимир Фролов и мастер спорта Виктор Марченко встретились на середине зала, взялись за руки.

Едва уловимое движение — и Фролов закрылся над головой своего товарища.

3) Когда Валя Руджкова и Валя Вершинина участвуют в показательных выступлениях, зрителей обычно поражает легкость и непринужденность, с которой девушки выполняют даже очень сложные упражнения. Всё получается у них будто само собой.

Но товарищи по секции хорошо знают, с каким упорством подруги отшлифовывают каждое движение.

4) Девушки взлетели в воздух, раскинув руки будто крылья. Кажется, сейчас они скользнут над товарищами, которые приготовились ловить её, и ласточкой вспорхнут в небо.

5) А когда молодые спортсмены, окончив тренировку, шумливые и веселые, уходят из зала, готовясь к соревнованиям начинают мастерства.

Владимир Фролов, Виктор Марченко и Владимир Леонов отрабатывают произвольные упражнения.



ТЕГЕРАН

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ИРАНА

О романе Гарегина Севунца

«Тегеран» — так называется двухтомный роман армянского писателя Гарегина Севунца. Это — сложное, многоглавое произведение. Действие его начинается накануне второй мировой войны и заканчивается событиями осени 1943 года. Перед читателем открывается широкая панорама жизни Ирана.

Автор ведёт нас в резиденцию шаха и в хищные бедняков, в аудитории Политехнического института и на запущенные народом тегеранские улицы.

Основная тема романа — разоблачение иностранных присосок империалистов в Иране. Перед второй мировой войной между крупнейшими империалистическими державами разгореласьросткая борьба за проникновение в стратегически и экономически важные районы земного шара. Граничный с СССР, богатый нефтью Иран стоял в те годы ареной «острого» становления интересов Англии, США и гитлеровской Германии.

Гарегин Севунц «Тегеран» (роман и эссе) — авторизованная переворот с армянского А. Садовского и Артура Тадесови. «Советский писатель». Москва. 1952.

С большой разоблачительной силой рисует автор образы американского советника Бентона, английского дельца Криппса и полковника Форбера — Мейера, орудовавших в Иране.

Джон Бентон ловко вовлекает в свою сеть нужных ему людей из иранского государственного аппарата. Он использует их для того, чтобы навязать шахскому правительству соглашение с американской фирмой «Денавар-компания», занявшейся разработкой нефтяных месторождений на территории страны. Настань боруза за помощь в этом деле, Бентон ведёт её, как сподвижницу, в Москву — доларам и плюсом». Американские колонизаторы боятся только одного — голоса народа, пробуждения его национального сознания, усиления обособленного движения. Иностранные порабощители охватывают страх и беспыльную злобу при одном упоминании о борзах за свободу. «Мне кажется, — говорит Бентон, — эти люди способны привести в движение широкие слои общественности, поднять большой фурор, и это нам сейчас совсем невыгодно».

Бентону во всех его тёмных дилах помогают подкуpledные им начальник тайной полиции Ирана

полковник Хосров Хавар, министр финансов Раши и другие продажные чиновники.

Но, несмотря на то, что инициатива наполовину и не скучится на доллары, дела «Денавар-компании» подгребаются чрезвычайно медленно. Прописан американец противодействует Англо-Иранской нефтяной компании.

Англичане уже давно сумели пустить в Иране глубокие корни. Англо-Иранская нефтяная компания безраздельно господствует на юге страны. Одному из честных иранских инженеров Манучеру Мардану, было дано официальное задание — проверить доходы Англо-Иранской нефтяной компании, которая скрывала истинные цифры добываемой и ежегодно недоплачивала иранскому правительству огромные суммы. Попытка проверки привела кончалась тем, что местные иранские власти, по указке англичан, засадили членов правительства и комиссии Манучера Мардана в тюрьму.

Англо-Иранская нефтяная компания держала в своих руках всю страну. Стояла в комитете по налогам, как в Курдистане или других провинциях подконтрольные ею шеши и старшины начинали угрожать восстанием и отказывались

подчиняться центральному правительству.

Убедительно показан один из проводников английской политики в Иране — некий мистер Криппс, промышленник и коммерсант, нацист по паспорту и англичанин по происхождению. Он давно обжился в Иране, в совершенстве изучил местные обычай и завладел самыми тесными отношениями с десятками богатых семей, где собирались нужные ему сведения. Этот опытный и ловкий дельца трудно забыть. Криппс — это, пожалуй, авторитет широко разветвленной сети шпионов, проникающих во все сферы общественной и экономической жизни страны. Многие из тегеранцев, у которых Криппс пользовался безупречной репутацией, были бы изумлены, если бы узнали, что они служат его шпионским целям. Никто из знакомых этого «чаровательного джентльмена» и представить себе не мог, что по его желанию десятки честных людей казнены или отправлены за решётку.

Агент Гилтер Мейер разывает в Иране бешенную деятельность по созданию «ячейки колонии». Он пытается организовать реакционную молодёжь в фанатических сектах, стараясь разъединить в правящей верхушке раскольников, неявившихся перед ненравами, живущими в стра-

тии. Иностранные агенты стремятся путём посулов, нитриг, шантажа и запугивания склонить Реза-шаха и его правительство на свою сторону. Для них все средства хороши, лишь бы верно рассчитанным ударом опрокинуть конкурента и заполучить возможность эксплуатировать иранский народ и природные богатства страны. Г. Севунц ярко показывает, как одинственный капитан разрушает правящую группу, как чужеземные грабители разлагают правящую верхушку, способствуют коррупции и загниванию государственного аппарата.

Писатель раскрывает социальные противоречия во всей их остроте. Сказочная рожьки иранских богачей противостоит язвищескому существованию народа, изнывающего под гнетом французской администрации.

Воший брат Павел.
— Девушки с тобой и заведи приводи... — сообщают он. Пришлось мне сидеть и красть...

И хотя Виктор называл недоволенностью тем, что брат позвал девушку убить, я не мог оторвать глаз от него, что товарищи его не забыли и старались ему помочь.

Утром на работу Виктор изменил рабочий костюм, вымазав лицо, осмотрел станок и запустил мотор. В этот день он значительно перевыполнил норму.

Родители, изумранные, он вчера домой. На улице с нему подошёл комсомолец Эдуард, товарищ по работе Павла.

— Пойдём в школу! — спросил он Виктора.

— Нет уда, догонять придётся...
— Ну беда, поможем...

Почувствовав постоянную помощь и контроль, я старался исправиться. Изменила свою поведение. Сейчас же фамилию часто можно видеть в очередях на библиотеку, на концертах, на успехах стажановцев. И в учёбе у него успехи позади.

Вчера при упоминании о прошлом приехал Виктор чисторечно признался:

— Была дурь... Спасибо, товарищи помогли мне от неё избавиться.

Василий ЛАПИКОВ,
сменный мастер машиностроительного завода.

из почты «СМЕНЫ»

ПОМОЩЬ ТОВАРИЩЕЙ

Винтор Лавров окончил ремесленное училище и поступил на машиностроительный завод. Там его начальником стал старший мастер, который собрал себе хорошие работники; задания выполнял и перепытывал, не имея брака. Иbrigadir Николай Северцов, был личным его помощником. Был он и другом. Кто сказал, что он «сынадар», давал задания, рабочим Северцева выплачивал Винтору наряд на изготовление двухсот гаек. Винтор, посмотрев наряд, обрадовался:

— Ну, значит, я буду на гайках! Поручите другому!

Бригадир уступил Лаврову и предложил ему обработать другие, более «выгодных» детали.

Но через два дня Винтору всё же поручили обработку металлических деталей, и было удивительно всех, когда он приобрёл большими и отправился на медпункт. Больничный лист, выданый врачом, конечно, не дал. Когда же мастер цеха потребовал больничного листа, Винтор стал лгать:

— Вы знаете, я с завода, отдохнул, и всё прошло.

По существу, это было настоящий прогул, который прошёл безнаказанно. Винтор вовсе не вышел на работу.

— Читал книгу и уснул, когда пропнулся, было уж поздно, начальство сменилось, — сказал Винтор, развязавшись по цеху худая слава. О его поведении начали говорить на производственных площадках, в рабочих坊, привнесли яркую прикормку, он снова повторил прогулу.

Нашёлся у Винтора и другон — тоже из цеха, Геннадий Жуков. Вместе они учились в ремесленном, вместе поступали в школу рабочей молодёжи, вместе привозили на рабочее место пособия, ели вместе и выпивали.

Так прошёл месяц. Не замечавший никомосольской органической Винтор стал участником трудовой и никомосольской дисциплины. Бригадир Северцов раздавал руки:

— Умные вспоминают книги в семье...

Напомнил никомосольца цеха Кости Лагинова, никомосольца цеха Винтора:

— Вы семью вспомните, а мы докупим...

— Семья виновата, а мы докупим... — сказал однажды Кости Северцову.

Винтор вызвал в комитет комиссариата.

— Чем я тут понадобился? — недовольно спросил он, едва переступив порог.

Долгий и непримятный помазалась Винтору бедра в комитете. Особенно «нападала» на него, как ему показалось, старшая помощница Кости. Кости заявил, что вопрос о поведении Винтора будет обсуждаться на собрании группы, тот забеспокоился.

— Я не первый прогуливаюсь...

— А другим? О них вы думаете?

Упрям был, разумеется.

— Я виноват, но я ранен, теперь так не буду! — прознай Кости недостигом своей работы.

Нашёлся у никомосольской группы Винтор пообщался исправиться. «...Спустя несколько часов, вечером, в цеху, сидя с энтузиастами на кружине, Винтор устроил своей коммюнике: «Полы вымыты, стоят санитарно-расчистительные, приведены в порядок рабочие инструкции, некоторые лотинши в углу заплытыми, столы у края стеллажей очищены листами...»

Винтор оставил комитет. Всё изменилось. И только под кроватами остались лампады настольные, с зажжёнными лампами, включёнными заброшенны туда месяц назад.

— Кто же здесь был? — мучились до глубины души. Но виноват ли Винтор из больницы? Нет, виноваты были...

— ...кто выдал ему больничный лист? — спросил Кости Северцов.

— Кто выдал больничный лист? — спросил Винтор.

— Кто выдал больничный лист? — спросил Кости Северцов.

буржуазии и иностранного капитала.

В поисках заработка бродит по Тегерану доведённый до отчаяния безработный Хатиб. Его семья нищает, не хватает еды. Продавали много времени — жена Хатиба его ребёнок и сестра гибнут, он так и не находит работы.

На южных нефтяных промыслах страны рабочие живут в хамах, почти под открытым небом, умирают от истощения и эпидемий. Зараработка не хватает на хлеб, а многосемейные вынуждены питаться чечевицами, которых выкапывают из-под берегов моря.

Автор правдиво доказывает о жизни обездоленных иранских крестьян. Нельзя без возмущения читать страницы, рассказывающие о произволе, который творят в деревнях и селах иранской земли.

Большое место в романе занимает изображение жизни иранской молодёжи. С первых же его страниц автор знакомит читателя с событиями в тегеранской Политехнической институте, говорящими о том, что молодёжь не стоит в стороне от борьбы за социальный прогресс и национальную независимость.

Создал один из ведущих тем романа показ классовой борьбы в Иране, автор сумел создать конкретные образы, ярких и конкретных, поистине переделанных, смелых, мужественных людей, способных бороться и побеждать. Этих людей смертельно боятся и ненавидят Бентони, Крипсли, Мейер и их наёмники. Империалистических агентов и представителей иранского народа приводят в ярость одни упоминания об имени доктора Шэйса Азади — бесстрашного борца за свободный Иран. Азади — человек широкого кругозора и твёрдой воли. Статьи, которые Азади публикует в журнале «Мир», и прогрессивной газете «Рассвет», будят широкий всплеск живой отклика у честных людей. Реакционеры бросают доктора Азади в тюрьму, но и там он находит способы продолжать борьбу. Шэйс Азади гибнет, но память о нём остается в народе, дело его продолжают друзья и ученики. Писатели удаляются образ другого прогрессивного деятеля — Шовката. Он долго взглядел газету «Рассвет», но и его арестовывают охранка. На суде Шовкат и Азади произносят речи, которые были, по сути дела, вынужденными.

В романе есть страницы, которые вспоминают читателя до глубины души. Население иранской столицы переживает незабываемые дни. Идёт Тегеранская конференция. В Тегеране Юсуф Виссартионович Сталин. Огромные толпы народа заполняют улицы, которая ведёт к воротам парка советского посольства. У всех на устах имя Сталина. Однажды на улицах Тегерана появилась огромная колонна юношей и девушек, которые, держка в руках букеты цветов, направились к советскому посольству. Они хотели усыпить цветами мостовую, по которой пройдет великий Сталин...

Роман Гареттина Сенчуна «Тегеран» заканчивается эпизодами, свидетельствующими о том, что англо-американские колонизаторы усиливают наступление на прогрессивные силы Ирана, активизируют политику захвачивания страны. Но, закрывая книгу, читатель верит в победу иранского народа, борющегося за национальную независимость своей родины.

Владимир КОРИЛЛОВ

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

ПЛОХАЯ РЕПУТАЦИЯ

Алексею Петрову
Когда-то давно
Было строгим комсомором
Задано дано.

А Петров в этот день был
расsehen, спешки:
Он любимой назначил сандакан.
И поскольку тогда он про всё
позабыл, то совсем позабыл
To совес позабыл и задание.

Подвез Алексея Петрова любовь.
Он потом спохватился, да поздно.
Не вернувшись прошедшего вечера
вновь.

Прониклся Петров... и сердько!

Вслед за тем разговор непринятый
возник,
Ну, конечно, упрёки, нотации...
И наскан былуть же не парня
ярлык.

И была создана репутация.

И Петров, как тогда же узнал
коллеги,
Навсегда был комсомором зачислен
в «пасси».

— Активистом не может быть
парень такой...
— заявил он, махнув на Петрова
рукой,

и добавил:
— Идиот! Нетрудно понять, почему:
Круговорот это мелочи и узки.

И нелад, разумеется, больше ему

Ни заданий давать, ни нагрузок!

И комсомор Петров взорян
не посмел.
Стал Петров сторониться
общественных дел,
Согласился Петров,
Что пустой он,
И нагрузок иметь
недостоин...

Потому что комсомор, говоря
напрямик,
Не увидел Петрова живого.
Потому что комсомор видел только
ярлык.

Тот, что сам налагал на Петрова.
И ярлык был круглый.

И подход его и ладони
был очень прост:

Вот, допустим, пришла
в коллектив новичок.

Новичок?

Налепляя на него ярлык.

Есть на нём ярлык — ты

Поглядел, сразу знаешь, какой он.
Вот и всё.

Результат поразительный.
И мыг готов призор
ярлычательный.

На одном ярлыке:
«ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ»,
На другом ярлыке:
«ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ».

Значит, с тем нужно мягко,
А с этим — сурово.
Этот первого сортя,
А этот второго.

У людей нет ни глаз,

ни причёсок, ни губ,

ни канюк-то сердце, ни имя —
Ярлыки!

На одном, скажем, коротко:

«ГЛУПЫ,

На другом, скажем, чётко:

«УМЕНЬШИ..

Замечательный способ — и прост
Всех насиков видно сразу, когда
ни возьмёшь!..

для Петрова, заметил заранее,
мы не склонны искать

оправдания.

К своему положению
Он быстро привык
И безропотно нёс
Злополучный ярлык.

Но ведь не о Петрове
Здесь речь мы ведь.
Речь идёт о комсоморе,
И только о нём.

Мы могли бы называть его словом
одним:

Бюрократом,
Иль, скажем, чинушкой сухим,
Чтобы сразу все видели, кто он
Но... давайте, товарищи, без
ярлыков!

Много раз на деревьях менялась
листва,
Много вёсен с тех пор миновало,
Но живо на Петрове
всё та же мольва,
И на любу у него

роковые слова:
«Отставающий, нестойкий малый!»

Ежегодно, а то даже два раза
в год
На отчёты собранных читался
отчёт.

И комсомор
В закончительном слове
Горячо говорил
О Петрове.

Обличия его резко и делал упор
На словах:
«отставающий»,
«отрыва»,
«кругозор».

Не забыть, разумеется, упомянуть
И такие слова, как «вовлечь» и
«втянуть».

Но, как только свою
Он заканчивал речь,
Тут же он забывал
И втянуть и вовлечь.



Рисунок Г. Валька.



1. ВОЛЧИЙ ДЕЛИКАТЕС

Шелковские песни и бутристы и жгучи. Местами здесь растут тополь и лоза. Земля покрыта изумрудом.

Помню, в июльскую ночь я схранил бахчу на этих песчаных берегах и вспомнил арбуз. Угадал я на славу. Уже перед самой зарей завыли волы. Зарада для ружьи у меня не было, и мне пришлось сидеть на земле. Волчика долго ждать себя не заставила. Она пришла прямо на

бахчу. Остановилась у одного арбуза, сбила его с плети ударом передней лапы и покатила, толкнув в сторону морозника. Там она несколько раз и снова указывала арбуз за арбузом.

Следом за волчихой подбежало пятеро юных волчат.

Шла с полизолистом,

но интуиция моя арбузные полонила. И до чего же красными были ее очи! И я, сидя на старом бахчеводе, все думал, что арбузы еще не поспели...

2. ПРИЕМЫШ

Это было в январе. День был солнечный, с морозами. Под известью сарая играли воробыши. «Пусть-ка как-нибудь помирись мне...» — будто говорил дворец. И я оглядел их компаний.

— Еа, да что тут такое? Не спасибо, но среди них — невероятно восхитительная, удивительно краснокрылая птица с сизым отливом на груди.

Самый — поспешился знаменитый голос изложенного конюха, шедшего мне навстречу — Все его

друзья — воробыши — умерли от моряка, а он, бедняжка, отстал:

видно, хворь помешала. Не знаю, выдюжит ли морозы...

...В апреле поляны Терского леса сказочно красны. Здесь я вновь встретил своего приятеля —

конюха. Он пас табун лошадей. Разогорнувшись, я испомнил зимнее спасение.

Следом Силантий, скворец тот же замёра?

— Переизмолов! — последовал отрицательный ответ, и сразу же горло лягушки поизвякало. Видеть, тут своей пренеупраждённой воробыши.

Силантий рассказал, что воробыши принесли скворца в свою стаю и понимали, как только обнаружив лицо, или лицу из сырости измельчат, либо жужна какого на лету схватят, сами дол-



СМЕНА
В номере:

А. Набатчиков — Наше боевое оружие.

Вас. Годоров — Рядовой великий патриот.

Николай Асеев — Подъезжая к Москве. Стихи.

Ольга Смирнова — Солнечный дождь. Рассказ.

В. Вахонин. Я. Костюкович и И. — Грустное явление. Стихи.

Игорь Кобзев — В общеконгриент. Стихи.

Влад Устинов — Владлен Маччен.

Николай Рылевиков — Стихи. Путешествие в Петербург. Фотоочерки.

Луи вангилия — Видение великого народа. Письма из-за рубежа.

Рядом шагает Новый Китай. Фотоальбом.

А. Евсеев — Талант. Ирма Полл — Это — Дамы. Раскраска.

С. Май Ир — Мост. Стихи. Т. Каптерева — Франциско Гойя.

Арестованы фотографы. Вл. Корнилов — Друзья и враги Ирана.

Из жизни «Смены». Помощь тварищам. Вл. Масс и Мих. Червина — Плохая репутация.

Рис. Д. Пивоварова.

го не склоняется, а прыгает на ветвь и клещует: «Ии, чи, иди, смущай!» А он, сидя на ветви над своим вьющимся новенником, не забывает не менять прыжки: «Ии, ии, ии!» поёт себе под нос и посвистывает.

«Ии, ии, ии!» — склоняет его воробыши. Но знать, в опенкистве он больше никому не нуждается: зима-то позади.

А. УХИН

КРОССВОРД

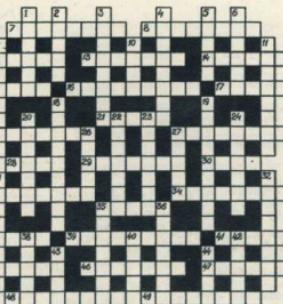
Составила А. Быкова (Москва)

По горизонтали:

7. Народная артистка СССР. 8. Произведение устной народной поэзии. 12. Готовка кандидата на способ морского боя. 14. Русский поэт. 15. Фруктовое дерево. 16. Руководитель художественного коллектива. 17. Линейка с делениями в измерительных приборах. 21. Известная писательница. 22. Стихотворение А. М. Лермонтова. 27. Устное народное творчество. 28. Способ приготовления пищи вертикального положения. 29. Приводимый ремнем. 30. Ягоды. 33. Планета. 33. Адвоюк. 34. Полоса сортирования. 35. Праздник народной творческой языковой группы. 37. Начало реки. 39. Курорт в Крыму. 41. Приспособление для выполнения вертикального положения. 45. Непаханая земля. 46. Советский живописец-искусствовед. 47. Минерал. 50. Лечебная вода. 48. Помещение для публичных лекций. 49. Музыкальное произведение для оркестра.

По вертикали:

1. Герой гражданской войны. 2. Озеро в Армянской ССР. 3. Колючий кустарник с острыми иголками. 4. Особенность строения морской змеи. 5. Небольшая морская залка. 6. Столица автомобилизации и ремесла. 18. Название некоторых скворцов. 11. Дромонотус с двигателем. 12. Строки из стихотворения А. Солженицына. 16. Иван П. И. Чайковского. 20. Марка советского автомобилия. 22. Способ приготовления пищи для птицы. 23. Отечество. 24. Воображаемый круг деятельности. 25. Страна для птиц. 26. Литературное произведение. 27. Плата за пользование группой по вопросам. 31. Центр Герой Советского Союза. 32. ПроФессия. 33. Известный польский писатель. 36. Ракушка А. П. Чехова. 38. Лицо многонационального состава армии и флота. 40. Родина Итальянской Сло-вины, точно обозначающее определенное понятие. 43. Сани. 44. Отрицательный звукорядный ион.



Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-34-24.

Тираж 120 000 экз.

Редколлегия: В. Аксаков, Г. Гулина, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Конюхова, М. Лукомин, А. Никонов.

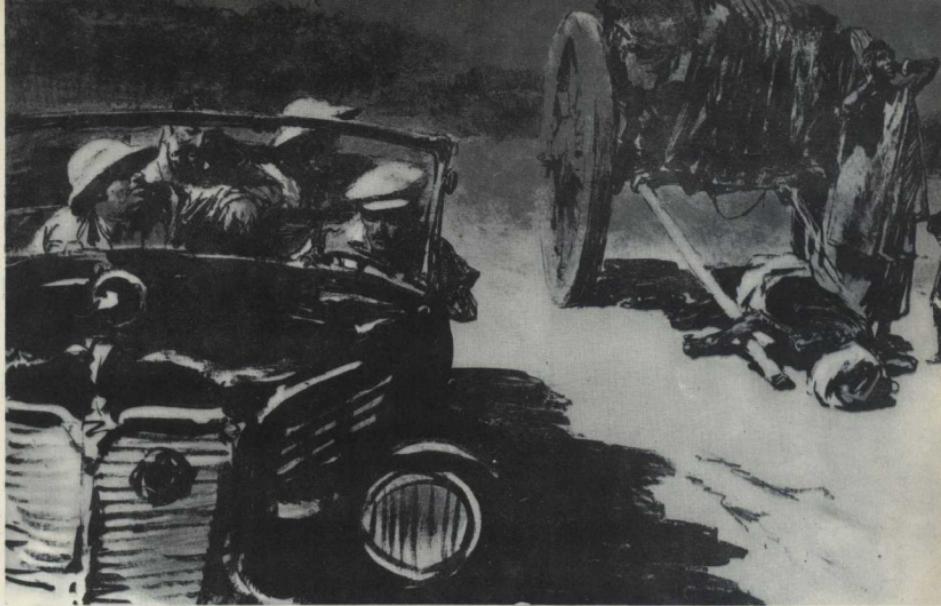
Подписано в печать 13/IV 1953 г. Заказ № 813.

Над. № 319.

Формат бумаги 70 × 108%. 1,75 сум. л. — 4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.





На дорогах Индии.

П. НИКИСЕВИЧ.
Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

В Нью-Йорке.



Цена номера 2 руб.

19. ЧС Георгиеву

